

Сергей Григорьевич Иванов
Кентавр на распутье
Серия «Кентавр на распутье», книга 1

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124001
Кентавр на распутье: АСТ; 2002
ISBN 5-17-005631-1

Аннотация

Ты хочешь принять на свои плечи жребий героя? Отлично. Попробуй! Ты готов – ни много ни мало – решить судьбу таинственного Бога Зверей? Хорошо. Попытайся... Только помни – каждый из Зверей слышит Божий зов по-своему. И вместе со Зверем своим, возможно, услышишь этот Зов и ты сам. Что же сказать в пользу обвиняемого Бога? То ли, что он умеет творить чудеса? То ли, что энергия волшебства, ранее `уходившая в песок`, ныне в умелых руках используется на, возможно, благие дела? Но тогда – каковы они, благие дела Бога Зверей? Бога, который, помимо прочего, пытается поменять Будущее? Кто же подберется к такому Богу? Судей – довольно. Возьмешься ли ты, герой, за роль палача?..

Содержание

Часть 1. Скучный день методиста	4
Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	27
Часть 2. Железная дева	39
Глава 4	39
Глава 5	51
Глава 6	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Сергей Иванов

Кентавр на распутье

Часть 1. Скудный день методиста

Глава 1

День начинался тускло, несмотря на ясную погоду. После вчерашнего силового тренинга, короткого, но изнуряющего, удовлетворенно ныли мышцы, и клонило в сон – вернее, хотелось снова залечь и погрезить с полчаса на грани сознания. Организм требовал отдыха. Даже сидеть было лень, тем более что-то делать. Впрочем (я это знал), ближе к вечеру тело оправится уже настолько, что благосклонно, даже с приятностью примет каждодневную растяжку и обычный набор приемов, закрепляющий боевые навыки. Конечно, если в накатанный распорядок не вторгнется непредвиденное.

Нехотя поднявшись, я прошел к широкому окну, расцвеченному утренними лучами. Сбылась давняя мечта: выходило оно на море – теплое, яркое, живое. Сколько лет этот берег вспоминался мне, являлся во снах, прежде чем я смог поселиться тут. Дом громоздился на самом краю каменного отвеса, массивными стенами словно бы продолжая прибрежную скалу, а достался мне во время последнего передела, за смехотворную цену. Было в нем два этажа, не считая роскошной мансарды да огромного подвала, и снаружи он смахивал на крепость – как и пристало жилищу современного феодала.

Ныне прежний хозяин «канул в лету», сохранив разве шкуру, а в его родовом гнезде воцарился я, мизантроп-одиночка. Сгинувшую охрану заменил страж-системой, исполненной по последнему слову, обзавелся радиостанцией, напрямую пускавшей в Океан. Внизу, у подножия скалы, устроил волновую мини-ГЭС, в обилии снабжавшую энергией, и подстраховал ее ветряками на крыше. А чего стоило оборудовать комнаты под свои нужды и предпочтения – отдельный разговор. Зато теперь дом стал точно с плаката: живописные уютные стены, паркетные полы с подогревом, дымчатые стекла-"хамелеоны" и лучшее из бытовой техники, что производят на сегодняшний день, – включая новейший компьютер, прозванный мною Дворецким.

Утро действительно выдалось солнечное да безветренное. Искрящаяся бирюзовая вода омывала мою скалу с трех сторон, и с четвертой вид открывался не хуже – на вздымавшиеся к небесам горы. Перед домом, на пологом отроге, каменным языком выступающим в море, расстился тенистый парк, а вдоль него журчал ручей, впадая в прозрачное озерцо, окруженное валунами. Тут и впрямь было красиво, но главное: я жил один. Теперь мне не докучали голоса за стеной, топот над головой, ор на улице – я выбрался из общего муравейника. За окнами обрыв в сорок метров, под ним плещутся волны. И ни одна сволочь не сможет заглянуть в мои окна, разве только взобравшись на горный склон да вооружась могучей оптикой.

Со вздохом я отошел от окна. Завернув ненадолго в ванную, направился в кабинет. По пути проверил ночные звонки, связавшись с Дворецким. Он же – мой секретарь, консультант, помощник, а заодно и штат слуг, неприметный, но вездесущий. Для каждой ипостаси у него запасен подходящий голос: от интимного альта до деловитого баритона, – и соответствующий лексикон. Даже на вызовы он отвечал разными голосами, чем создавал у чужаков иллюзию немалой obsługi. Дворецкий был не особенно умен и, уж конечно, не обладал

свободой воли, а потому я мог доверять ему многое. Впрочем, программы в него заправлены лучшие, так что, общаясь с ним, я иногда забывал, что разговариваю с машиной.

Звонков оказалось мало, что и понятно, учитывая нынешний круг моей клиентуры. Далеко не все были интересны мне. Или полезны. Или приятны. Для экстренных вызовов служила прямая связь, но ею могли пользоваться единицы. Прочие дожидались, пока позвоню сам, – если позвоню. Спрос на мои услуги прибывал, и уже можно было выбирать клиентов – повлиятельней либо симпатичней. А вести дела с явной поганью я избегал всегда.

– Как прошла ночь? – спросил у Дворецкого. – Не было поползновений?

– Происшествия не зафиксированы, – доложил тот ворчливым басом. – В пределах территории посторонние не замечены.

«Не зафиксированы», «не замечены» – Дворецкий любил четкость в формулировках. Чем выгодно отличался от людей.

– И слава богам!.. А в окрестностях?

– Что?

– Никаких отклонений?

– Какого рода?

Пришлось уточнять:

– Движение, огни, блики?..

– Огни наблюдались. Под водой.

– Опять, да? В следующий раз сообщай о них сразу.

– Понял.

– И сразу же выводы на дисплей.

– Понял.

– Что ты понял? – сдерживаясь, спросил я. – Запись давай!

Раздражаться на комп так же глупо, как на скверную погоду. Даже глупее, потому что здесь винить следует себя: каков вопрос – таков ответ.

– Подводных огней?

– Именно.

Ничего нового я не увидел. Что-то неясное творилось последнее время под поверхностью, какое-то загадочное шевеление. Уже третью ночь изредка и кое-где, то там то тут, мерцали тусклые пятна, похожие на отражения дальних сполохов, – возникая, пропадая, перемещаясь. словно бы невдалеке от моей скалы затеяли подводные работы, вынюхивая невесть что. Нешто опять кладоискатели? Как будто на здешнем мелководье еще не обследовали каждую пядь! Вот поглубже – другое дело. В средние века эти берега слыли проклятыми и корабли тут гробились якобы через один, взамен плода фантастические легенды. Правда, на глубине требуется оснастка серьезней той, что имеется у местных халявщиков, а со стороны сюда побаиваются наезжать. Хотя, хотя... Все ж таки не помешает взглянуть на это ближе – но чуть погодя, не сейчас.

Я позвонил двоим, добывая старые дела и подводя там окончательный баланс. Затем занялся разбором почты. Это сделалось для меня таким же привычным, как литр дистиллированной воды по утрам или йогурт на ночь. Из всех дел, какими я мог нагрузить себя, чтоб обеспечить свои немалые потребности, глубинные погружения в Океан оказались наименее обременительными. К тому ж они удаются мне, как немногим. За считанные месяцы я стал, видимо, лучшим в губернии знатоком новейших технологий и теперь охотно делюсь знаниями – за соразмерную плату. Но, ради собственного благополучия, всегда держусь на шаг впереди своих клиентов.

От моих «далеких друзей», коих я в глаза не видел (и тем лучше с ними ладил), пришло несколько писем, вполне информативных. Хотя бы в Океане отыскивались партнеры, честно обменивающие знания. Тут находились даже энтузиасты, готовые делиться бесплатно, –

будто это возвышало их в собственных глазах. Впрочем, пакостники, норовившие подсунуть гадость, встречались чаще. Но на них велась охота, не уступавшая по азарту настоящей.

Поступила и пара объемистых пакетов – в ответ на мои вчерашние запросы. Содержимое порадовало – как раз то, что я хотел. Далеко не всегда натыкаешься на желаемое с первой попытки.

Наконец получил ответ от сестры, с которой не встречался года четыре. Вот там все оставалось грустным. Внешне мы были похожи – к несчастью. То, что добавило мне **притягательности**, ее сделало некрасивой. А хуже всего, что она сама этим прониклась. И почему одиночество не выделяется по заявкам?

– На территории посторонний, – внезапно объявил Дворецкий. – Направляется в сторону дома.

В лягающем его голосе мне почудилось возмущение – уж чужакам вход сюда настрого воспрещен. Непроизвольно оглянувшись, я потребовал:

– Покажи!

Невдалеке от ограды действительно пробирался через кусты человек. Приземистый и не слишком ловкий, одетый, точно бандит из мелкой стаи. Кроме плохонькой бронекуртки, на нем имелись коже-пластиковые брюки, металлизированные ботинки на изрядных каблуках и синяя шапочка с выступающим козырьком. Последняя, наверно, смотрелась бы неплохо – на красивой голове и при мускулистой шее. Но этому не подфартило ни с внешностью, ни с мышцами. И навыков у него оказалось не густо. Возможно, он и крался – в своем понимании. Но с равным успехом мог бы подкрадываться бегемот. Рассеянные по парку датчики с легкостью фиксировали его перемещения, а укрытые в листве «глазки» провожали взглядами, передавая от одного к другому. Идиот! Сунулся бы он сюда ночью, когда стражсистема настроена всерьез, и его оцепенелое тело уже доставили бы к крыльцу – на предмет опознания.

– Кажись, знаю его, – пробормотал я, будто Дворецкому не все равно. – Ладно, нехай живет!

Встав из-за пульта, я потянулся, с удовольствием напрягая мышцы. Затем набросил на плечи просторную рубаху и без спешки прошлепал ко входу, распахнув дверь за миг до того, как в нее попытался стукнуть незванный гость.

– Здравс-сь, – проямлил он, опуская вздетую было руку. – А это я! – И расплылся в дурацкой ухмылке, вполне ему подходившей.

Радость какая: наконец и к нам пожаловал Лазер. Зацепенев, шаромыга глядел на меня точно на гору, грозящую обвалом. К опаске примешивалась зависть, даже преобладала. Не виделись мы давно, и за этот срок я сделался одним из самых здоровенных в губернии – чего, собственно, и добивался. Если прибавить к сему обширный арсенал навыков, почерпнутый из Океана, да отменное техобеспечение, мало-помалу собранное в моем гнезде... А у Лазера ни первого, ни второго, ни третьего. Где справедливость?

– Какого черта? – проворчал я. – Почему без звонка?

– Сюрприз! – ухмыльнулся гость. – Давно хотел тебя проведать.

По его нечистому, угреватому лицу катился пот, и на меня извне дохнуло зноем. В моих-то комнатах всегда прохладно, словно в подводной глубине.

– А уж как я тебя ждал!..

Следовало бы послать этого хмыря подальше, да еще придать ускорения пинком под зад, но... требовался повод.

– Ну, входи, – уступил я, кляня себя за мягкотелость. – Если не боишься.

У Лазера хватило ума промолчать, не ерепениться на пороге, через который еще могли не пустить. Вот затеять свару в доме, наплевав на приличия... Н-да. «Невольник чести» – это и про меня.

– Двигай в комнату, – сказал я, с брезгливостью глядя на его обувь. Конечно, можно заставить гостя разуться, но не оказалось бы еще хуже.

Понуриясь, Лазер затопал по коридору впереди меня. Его защитный жилет был усилен с тыла пластиковыми бляхами, словно бы он опасался удара в спину. Меж лопаток свисал жиденький рюкзак, в котором что-то позвякивало на самом дне. Вступив в гостиную, Лазер закрутил головой, разыскивая, откуда слышится «мой любимый старый джаз», – но не преуспел. Саму-то мелодию он вряд ли оценил. А ведь звучала «песнь о Грузии» в исполнении Рэя Чарлза: «Georgia on my mind», – классная вещь, на самом деле.

– Выкладывай, – велел я, лишь только Лазер уселся. – Чего надо?

И покривился, увидав его во всей красе: от скверных зубов врасстырку до сальных волос, выбившихся из-под щегольской шапочки. А ногти-то, ногти!.. Землю он, что ли, рыл?

– Щас, щас... Не гони коней!

Гость еще озибался, завистливо морщась. Поглядеть было на что: стильная мебель, шикарная аппаратура, да и сама зала впечатляет. Конечно, Лазер не отказался бы от такого. Но чем обоснует свои аппетиты? В нормальную Семью его не берут: пакостен, треплив, – личными дарованиями не наделен. Разве пронырлив сверх меры и нюх, как у гиены. Так ведь вкупе с дуростью это прямая тропка на тот свет.

А еще Лазер рассчитывал угоститься. На столике стояла ваза с фруктами, рядом помещалась коробочка трюфелей – но что это для настоящего мужика!.. В другом месте Лазер не постеснялся бы пошуровать по укромным углам, за что и получил прозвище, – но здесь ему живо отбили бы руки.

– Выпить бы, – облизнув губы, пожелал он. – Блин, пересохло все!

– Сок.

– Ну, хотя бы...

Выставив перед ним запотелую бутылку, я самолично наполнил бокалы и первым отхлебнул из своего, чтобы рассеять возможные подозрения. Конечно, Лазер и даром мне не нужен, однако он-то убежден, будто все вокруг спят и видят, как бы его, драгоценного, в могилу спровадить. Туда и дорога, если откровенно, – но чтобы я марал руки?..

Сам сел по другую сторону стола, подальше от его «ауры», уже расплывавшейся по комнате. Если уж допустил свинью в дом, приходится терпеть. Впрочем, попытку Лазера развалиться повольготней я пресек угрюмым взглядом.

– Так ни с кем и не сдружился? – хорошенько приложась к бокалу, спросил Лазер. – А, Род?

В его понимании дружить значило сотрудничать к взаимной выгоде.

– Тебе-то что?

– Вот не умеешь ты с людьми ладить! – посетовал он.

– Или не хочу?

– Да ладно, дело твое...

– Ну, слава богу.

– А вот я давеча... – И Лазер пустился в рассказы про свои достижения на ниве бизнеса. Затем вполне мог переключиться на любовные подвиги – кто ж этим хвалится, если не лузеры? (Кстати, забавное созвучие.) Его речь было неряшлива, как он сам. И разжижалась таким количеством матюгов, что вполне могла быть сокращена вдвое без всякого ущерба для содержания. Лазер явно не ценил время – ни свое, ни чужое. Но у меня-то оно расписано по минутам.

– Моего терпения хватит на четверть часа, – предупредил я. – Затем вышвырну. Этого добиваешься?

– Ну ладно, блин, ты чё? – обиделся он. – Ведь столько не виделись!

– А летаем по разным орбитам – с чего пересекаться?

– Зато нынче дорожки совпали, – хихикнул Лазер. – Не веришь?

– Докажи.

– Щас, – нагнувшись, он сунул пятерню в рюкзачок, а я, будто невзначай, направил на гостя предплечье. Конечно, он мог и не знать, что кроется в моем рукаве. Во всяком случае, не карты – хуже, много хуже. Лучше не выяснять.

– Во! – Лазер вытащил на свет предмет, в котором даже я, спец по новинкам, не сразу распознал наручный диагност-аптечку, объединенный с видеофоном. – Видал такое?

– Дай сюда, – велел я.

Нехотя бандит расстался с драгоценностью. Этот самый ДАВФ и походил больше на изящный браслет, украшенный камнями. Которые вообще-то были дисплеями да проекторами объемных картинок и оживали при нажатии скрытой кнопки. Не сразу я отыскал крышечку, под которой пряталась крохотная батарея – из разряда едва не вечных, насколько можно судить. И весь прибор скорее всего потреблял крохи. А занимал всего ничего. Большая часть объема отводилась под лекарства – конечно, самые насущные, экстренные, предназначенные поддержать жизнь, пока не подоспеет помощь, вызванная по видеофону. А до ее прихода можно глядеть программы, транслируемые со спутников.

Действительно – вещь! Техника завтрашнего дня. Если себя я воображал летящим на гребне прогресса, то ребята, которые произвели такое, мчались впереди волны.

– Где добыл? – небрежно спросил я.

Лазер ослабилась, сузив глаза в щелки:

– Мое дело, да?

Эдакий упырь вполне мог снять и с трупа, предварительно укокошив владельца. Либо отобрать у больного, коему эта штуковина как воздух. Но разве докажешь сейчас?

– Ладно, что дальше?

– Эй, эй! – заволновался он. – А цацку?

Подавив вздох, я вернул браслет, хотя вряд ли тот принадлежал Лазеру. Но ведь и не мне? Увы, увы... Редкостным своим чутьем Лазер ощутил во мне интерес и тут же попытался протиснуться дальше:

– Слыхал, у тебя погребок классный? Угостил бы.

Можно подумать, он разбирается в винах! Лишь бы глаза залить.

– Ты по делу или как? – спросил я.

– Ну?

– А дела ведутся на трезвую голову.

– Ну да, у тебя ж правила! – огорчился Лазер. – Бляха-муха, ну хоть попробовать?

– Молока хочешь? Или кефира?

Если бы гость не знал, что я и сам это пью, счел бы оскорблением, – а так сошло за подколку. Впрочем, от меня Лазер стерпит любую обиду.

– Или кумыса, – буркнул он уныло и скорчил брезгливую гримасу.

С горя Лазер плеснул себе еще сока, щедро разбрызгав по столу, сделал пару гулких глотков, закусил трюфелями. Затем сообщил:

– Проследил я, откуда это выскочило. Цепочка еще та!

– И что на конце? – спросил я.

– Головка! – прыснул Лазер, но тут же потух, убоявшись возмездия, и зачастил: – Есть на речной набережной дом – голубенький такой, в три этажа... Ну, знаешь, где растет старый дубище?

– А на дубе том цепь, – перебил я, симулируя закипающий гнев. – Ты что, байку рассказываешь?

– Не-е, кроме шуток! – и вовсе перетрухал Лазер, наслышанный про мои приступы ярости. – Шатун, ты чё? Я же гость!

– Кость ты в горле, а не гость, – проворчал я, словно бы с трудом сдерживаясь. – Не тяни мякину!

– Так я ж говорю: дом, дуб...

– И «три колодца». Ты издеваешься?

Не перегнуть бы – сдуру схватится за огнестрел.

– Бляха-муха, не дави! – взмолился Лазер. – Собыюсь ведь, а ты раздухаришься. Так вот, в доме том...

На сей раз я лишь хмыкнул.

– ...обитают несколько типчиков. Двое-трое – вряд ли больше. Хотя и здоровы#, кого разглядел. Каждый за центнер, а движутся, будто не весят ни хрена, – бойцы, уж я понимаю в этом!

И Лазер выразительно поглядел на меня: мол, и ты такой же. Большой, страшный, море по колено... Ну спасибо, родной!

– Предлагаешь взять их в оборот? – спросил я. – Прижать в темном месте, попытать, откуда цацка да есть ли еще такие или получше. И почему не делятся с достойными, а разбрасывают, кому попало... Так?

– Ну, – согласился он, недолго подумав.

– И в помощь никого привлекать не будем?

– Да зачем нам лишние? Ты один стоишь...

– Целого взвода? – подхватил я. – А то и роты.

Но гость не оценил цитаты. Или не вспомнил.

– А если попросят защиты у Двора? – спросил я. – Или обратятся за помощью к какой-нибудь Семье?

– Эти хмыри не любят высвечиваться. Контачат с немногими, остальных сторонятся, будто спидоносцев. Гордые!

«Хмыри», надо же. Уж кто бы говорил.

– На чем навариваются – не понять, но живут кудряво.

– За это и невзлюбил их?

– Ну дык – завидки ж берут! – подтвердил он. – А как выражены, ты б видел!.. И телки по высшему разряду.

Распробовав трюфели, Лазер принялся за них всерьез, обильно запивая соком. Эдак ему и коробки не хватит.

– Много «телок»-то? – поинтересовался я.

– Да парочку высмотрел – им бы в кино сниматься, сукам продажным.

– Чтоб и ты мог пользоваться?

– Я и в натуре не прочь, – осклабился Лазер, а я опять гадливо поморщился. Чем грязней лапы, тем шибче желание залапать. Закон природы?

– Уже пробовал?

Я оглядел гостя внимательней, отыскивая свежие синяки. Вроде за последние дни по морде не били. Может, восполнить пробел?

– Так ведь не подобраться!.. Чего б тогда я приперся к тебе?

– Подручный понадобился? – осведомился я. – Придержать «телку» за плечи, пока будешь в нее внедряться?

Лазер разом поблек, вспомнив, видно, как я разбирался с насильниками, если меня привлекали. К слову, рисковал я не слишком: среди насильников редко встречаются настоящие бойцы.

– Ладно, – сказал я. – Что еще имеешь добавить?

– Ну, следил я за ними с пяток дней.

– Сам, что ли?

– Зачем? Есть у меня пара пацанов... Так вот, домик все ж посещают – разные. Но что чудно#: заходит-то к ним народу больше, чем выходит. Некоторые не возвращаются – ни через день, ни через два.

– И что надумал?

– А?

– Объясняешь как?

– Непохоже на фирму, вот что! – выпалил Лазер. – Скорее секта.

– Тогда при чем тут мы?

– А будто не знаешь, как умеют навариваться пророки! Если каждый сектант отстегнет по чуть...

– Богачи редко впадают в религию. А из лузеров много не вытянешь – разве их будет тысячи.

– Не скажи. Счастье-то не в одном богатстве.

– Надо же, – поразился я. – И от кого слышу?

Хотя Лазер прав: достаток – еще не все. И за примером далеко ходить не надо. Но меня-то религия не спасет. Не верую, Господи!.. Уж извини.

– И знаешь, кто исчезает? – продолжал гость, подмигивая. – Кто моложе да посмазливей. В большинстве – девахи.

И когда успел набрать статистику? Хотя Лазер из тех, кто строит теории на хилом фундаменте.

– По-твоему, их приносят в жертву?

– Это ж сатанисты, гадам буду!

– Ты и есть гад, – проворчал я. – Сознайся: приплел секту, чтобы меня зацепить?

Выходит, уже и до шаромыг дошло, как не люблю я «божьих людей». А Лазер обрадованно закудаhtал, будто я удачно сострил. Кажется, даже вознамерился хлопнуть меня по колену, но вовремя одумался.

– Все путем, – заверил он. – Мы ж партнеры, Род!

– Еще нет.

И вряд ли станем. Не хватало, чтобы я затевал с Лазером совместные шашни. Он даже на комический персонаж не тянул – слишком отвратен.

– Ну хочешь, дневник выдам? Мои орёлики там всё пометили: кто внутрь, кто наружу...

– Кто в лес, кто по дрова... У вас что, паршивого «глаза» не нашлось?

– Это ж ты технарь, – возразил он. – Тут и нужен подкованный кадр, чтоб припереть к стене.

– Ишь, грозный!.. И как ты собираешься «припереть»?

– Пригрозим рассказать про их делишки кому следует. А станут возбухать, захватим одну из сучек... даже обеих.

Лазер облизнулся в предвкушении, будто эта часть плана его особенно грела.

– Ага, – понимающе сказал я. – Обеих... Чтоб, значит, каждому по штуке. А по по не по?

– Чё?

– По портрету не получишь? – перевел я. – Эти парни, как ты их обрисовал, не походят на лохов. А если в отместку за тонкий ход тебе натянут глаза на задницу?

– А мне плевать! – заявил Лазер. – Подумаешь!

Ну да, «потом мне будет плохо – но это уж потом». Или он настолько меня зауважал? Такие шавки горазды лаять из-за чужих спин.

– Ты что, очень озабочен? – спросил я. – Так купи пылесос.

– Зачем? – удивился он.

– За тем самым.

– Шуточки у тебя!

– Ну, я-то отмахуюсь, – повел я плечами. – А тебе не завидую. За такие шалости вполне могут кастрировать. И откроется тебе вокруг огромный мир!.. Давно ты был, скажем, в театре? Или музее?

Почему-то Лазера это не обрадовало – он и слова такие едва помнил. А ведь недурное средство. Сразу успокоится, перестанет доказывать, какой крутой. А живут кастраты, говорят, дольше.

Впрочем, Лазер уже нашел другое решение.

– Поделится бы секретами, – снова закинул он удочку. – Ну хоть парочку? Тоже хочу быть сильным.

Ишь, будто стихи цитирует. А продолжение знает?

– Силу – тебе? – Я покачал головой. – Довольно и того, что ты мордуешь своих шлюжек.

– Так ведь мои же? – вывернулся поганец. – Имею право!

– Ты пакостишь, где только можно, – сказал я. – И где нельзя тоже, ибо дурак. А потому регулярно ходишь с набитой мордой. Разве нет?

«Легко и сладостно говорить правду...» Наверняка Лазер при случае попомнит мне обиду, но не стеречься ж еще и этого слизняка?

– Работа такая, – хмуро поведал он. – Если б повезло, как другим, я бы тоже на собственной фазенде баклуши бил, а не шастал по улицам.

Я смотрел на гостя в задумчивости. А ведь Лазер не уgomонится, пока не испоганит тем ребятам жизнь. Слишком она хороша на его взгляд. А попадись в его ручонки одна из «телок»... Может, удавить гаденыша, чтоб не пахнул? Конечно, не здесь: все же гость... Нет, и на стороне нельзя – табу! Если стану нарушать собственные запреты... Куда это меня заведет?

А Лазер даже не заподозрил, что решалась его судьба, поскольку завел речь о другом:

– Слышал, у тебя голышка мелькает. Фигуристая!..

– И?

– Ты ж не пользуешься. – Он снова облизнул губы и подмигнул, не без опаски. – Потешил бы гостя? Целыми ж днями, стервь, без дела шлындрает!

– По-твоему, тут бордель? – спросил я вкрадчиво. – Ты чем думаешь, а?

Действительно, кретин. За такое даже не бьют – убивают. И как еще не нарвался!.. А за мной, выходит, тоже приглядывают. Интересно, кто?

– Жалко тебе? – заныл Лазер больше по инерции. – Она ж бесхозная! Ни дома, гряд, ни семьи.

Стало быть, вроде рабыни: никто не вступится. До законов сейчас как до неба, а потому хозяин – бог. И если нет собственных тормозов...

– Ты перепутал эпохи, – сказал я. – Тут даже не крепостное право. А моего гостеприимства хватает лишь, чтобы не вышвырнуть тебя в окно.

Кстати, лететь ему пришлось бы долго. А потом еще не один километр грести вдоль обрыва – не всякий сдюжит. Но это уж не моя вина.

Однако Лазер подозрительно хорошо осведомлен о моих повадках. А попросить лишний раз ему не в тягость, даже когда шансы близки к нулю.

– Чё-то не врубаюсь, – признался он. – От нее убудет, что ль?

Все ж несло от Лазера!.. По-моему, даже мысли его протухли.

– Ты по субботам моешься или еще чаще? – спросил я. – О дезодорантах-то хоть слышал? Она ж в этом такая привереда! Неровен час и стошнить может.

На сей раз Лазер обиделся: не на меня ведь, другое дело. Разом помрачнел, точно грозовая туча перед дождем. И чем разразится?

– Одна курва тож из себя строила, – скосив рот набок, прогундел он. – Так ее, вишь, водярой умыли – царской. Теперь больше раза никто не глянет, и то, грят, много!

Еще промах. Кто же, пребывая в гостях, посягает на хозяйское добро?

А тот случай я помнил: жуткое дело. Была б уверенность, что это работа Лазера, сделал бы для него исключение и даже шанса бы не оставил. То есть в море бы он попал, но вот плыть смог бы разве вниз, как топор.

– Это ты мне говоришь? – спросил я, точно завзятый гангстер.

Фраза ли подействовала, интонация ли, но Лазер тотчас втянул голову в плечи, забежал глазами по сторонам. А я уже выбирался из-за стола, расправляясь во весь рост.

– Ну чё ты, чё ты? – заскулил Лазер, вжимаясь в кресло. – Не понял, что ль: шутка это!.. Разве ж не знаю я, кто в доме хозяин? Все путём, расслабься! Что твое – свято. Кто ж спорит?

Со страху или случайно, но гаденыш нашел слова, позволявшие выйти из ситуации без потерь. Покачавшись, будто в раздумье, я опустил обратно.

Лазер выдохнул с облегчением, но тут глянул мимо меня, и на его лице вновь проступил страх. И было от чего: в гостиную вступал Хан, помесь ирландского волкодава и кавказца (овчарки, разумеется), «с загадочной и дикою душой». Размерами пес превзошел гигантов-родителей и, как положено полукровке, был поумней любого аристократа. К тому ж я поднимал Хана по особым методикам, способным даже из недомерка сотворить исполнина. А затем не столько дрессировал, сколько тренировал, наращивая на громадный костяк пласты массивных мышц, совершенствуя врожденные рефлексy и формируя новые, удивительные в нормальном звере. Пожалуй, Хан вырос слишком смекалистым для собаки. Это не сделало его менее преданным, но **перевело** скорее в разряд друга, нежели слуги, – слишком он стал самостоятельным. И сейчас Хан глядел на чужака пристально, точно на будущую добычу. Даже не стал подходить, чтобы обнюхать, – издали все учуял, распознал.

– Чё это он? – шепотом спросил Лазер. – Смотрит!..

Разглядев гостя в подробностях, Хан перевел взор на меня.

– За ошейником пришел? – спросил я. – Ну, неси.

Как и я, пес не терпел на себе лишнего. Но при посторонних скандалить не стал, поклядисто сгонял за удавкой, изображая из себя вышколенную собачку. Ошейник я у Хана принял, однако надевать на него не стал, небрежно бросил рядом с трюфельной коробкой.

– Потом, – сказал псу. – Гуляй!

Вот теперь ему впору было недоуменно пожать плечами. Но Хан лишь глянул на меня с укоризной и убрался, мерно клацая по паркету. Эта вещица ему и даром не нужна.

Зато у Лазера разгорелись глаза. Сейчас же он подхватил ее со стола, принялся вертеть перед собой, ухая, точно уэллсовский марсианин. Почему-то здешние бандюганы с ума сходили по ошейникам. А мой на самом деле хорош: составлен из бронепластиковых сегментов, изнутри подбит мягкой кожей, снаружи усыпан разноцветными шипастыми кристаллами.

– Нравится? – нехотя сказал я.

– А то!

– Ну, возьми.

Лучше бы, конечно, махнуть на его браслетик.

– Закон гостеприимства, да? – ухмыльнулся Лазер, поспешно напяливая ошейник на себя. – Классная штука!

– Для гостей, – буркнул я.

А про себя добавил: «Бойся данайцев». Хотя кто их сейчас боится? Во всяком случае, не Лазер. Правда, он и дареному коню смотрит в зубы, но вовсе не потому, что тот – троянский. Продешевить боится.

– Небось, у самого и получше есть? – завистливо предположил он.

– А ты хотел, чтоб я оставил себе поплоче?

– Будто от меня что зависит!

– Кто желает слишком многого, – изрек я, – часто остается ни с чем.

– Это ты к чему? – удивился Лазер.

– К тому, что больше ничем порадовать не могу – хватит с тебя ошейника. А дело свое разгребай сам.

– Это окончательно? – спросил он упавшим голосом. Ведь так хорошо начиналось!

– Ты же знаешь: я не торгуюсь.

И подбородком указал на дверь. Угощение выставил, подарком наделил – чего еще? Дожевывая конфету, Лазер поднялся, забросил рюкзачок за плечи.

– Гляди, не пожалей! – оставил он за собой последнюю фразу, прежде чем потопать к выходу. – Потом поздно будет.

Почему-то для таких шибздигов очень важно уйти красиво. А я смотрел на оставляемые Лазером следы едва не с болью. «На пыльных тропинках», да? Уж мы везде сумеем наследить. Дезинфекция, дезинфекция!..

Нетрудно угадать, куда Лазер двинется дальше – точнее, к кому. Собственно, вариантов у него оставалось мало. Проводив гостя камерами до самой ограды, я снова поручил страж-систему Дворецкому и направился во внутренний двор, отделенный от комнат прозрачной стеной.

С этой стороны дома вполне хватило места для бассейна с трамплином и небольшого солярия. От чужих взглядов и прицельной стрельбы дворик заслоняло здание, от ненастья спасала раздвижная крыша. А взобраться сюда по каменному отвесу сумел бы разве альпинист.

Иногда, если жизнь становилась совсем уж пресной, я сигал с обрыва ласточкой, чтобы на секунды ощутить себя Ариэлем. И врзался в прозрачную воду, с восторгом ощущая удар. После такой встряски снова хотелось жить, а раздражение будто смывалось тугими струями. Затем из Ариэля я обращался в Ихтиандра (уж воздадим должное Беляеву), для чего в укромной, заросшей водорослями нише были припасены ласты, шлем-маска и, увы, акваланг.

Сегодня я не стал бросаться со скалы, однако в море искупался, решив совместить удовольствие с делами. Погрузился на пару десятков метров, куда едва достают солнечные лучи, где тишина и покой, лишь бесшумно снуют пестрые рыбины да шелестят крабы по песку. Здесь кипела другая жизнь, точно на иной планете. придонные скалы, заросшие пышными водорослями, стояли так густо, что я будто парил по ущелью, почти касаясь плечами стен. И были изъедены таким количеством гротов, пещерок, нор, что на их обследование ушли бы годы. Самые живописные я, конечно, не оставлял без внимания, забираясь иной раз в такие теснины, что баллон приходилось толкать перед собой. Сокровищ, правда, не находил, зато под берегом обнаружил места, вполне пригодные для убежищ. А пару пещерок даже обустроил – «на случай войны». Тем более, что войны нынче затеваются без объявления.

Вообще мои изыскания чреватые. Конечно, тут не тропики, и прежде под водой можно было нарваться лишь на ската-хвостостола, зарывшегося в песок, или на скорпену, то бишь банального морского ерша с ядовитыми колючками. Или на морского дракончика, самую опасную из местных тварей. А здешняя акула, катран, – и вовсе смех. Но иной раз за камнями, на грани видимости, мне чудилось странное: то ли мерцание, то ли мелькание, – и сердце сжимало холодом. Однако сколько я ни пробовал подобраться ближе, явление (или существо?) уклонялось от встречи. А может, я сам не слишком спешил. Во всяком случае, с недавних пор я добавил к своему подводному снаряжению гарпунное ружье, вполне пригодное для охоты на манту, а также разрядник, способный и тигровую акулу пустить кверху брюхом – правда, ненадолго. Не говоря о двух ножах, больше похожих на мачете, пристегнутых к голени.

Сегодня тоже не обошлось без сюрпризов. Может, я не обратил бы на них внимания, если бы не настроил себя на поиск, озадаченный ночными огнями. Сперва заметил на дне несколько рыб, по виду целехоньких, но явно не живых. При этом они не всплывали пузом кверху, как полагалось бы, и даже крабы будто брезговали ими. Спикировав вниз, я понял в чем дело: это были уже не трупы – пустышки. Чешуя и костяк, ничего больше. Будто они померли своей смертью и спокойно истлели в скелеты, ухитрившись не приманить ни одного падальщика.

Оглядевшись, я увидел в отдалении еще рыбину. Перебравшись к ней, узрел следующую. Затем еще. Это уже смахивало на дорогу в пустыне, где вежами служили остовы лошадей и лузеров. Озадаченный, я плыл по диковинному следу, лавируя меж скалами, пока не уткнулся в серовато-белый предмет длиной чуть более метра, в котором не сразу признал останки дельфина-азовки, морской свиньи. А узнав, содрогнулся. Ибо от него тоже остались кожа да кости – в буквальном смысле. То есть под вполне целой кожей не было ни жира, ни мускулов – ничего, кроме скелета. Но сама кожа не выглядела древней, хотя истончилась и сморщилась. Возможно, еще вчера этот кабанчик резвился на здешнем мелководье, не подозревая о близкой кончине. И дорезвился, сделавшись вехой на чьем-то пути. А тому что рыбешка, что дельфин... что человек. И кто ж это был, а? Убивать таких... охотничков!

Я в самом деле разозлился – еще пуще, чем испугался. Охота на дельфинов сродни детоубийству, а в свои «территориальные воды» я и обычных-то рыбарей не пускал. Вся живность в радиусе километра находилась под моей опекой, я один имел право вмешиваться тут в естественные процессы. Кстати, как это возможно: схрумкать плоть, не повредив шкуры?

Выставив перед собой ружье, я двинулся по следу дальше, распаляя свой гнев, чтобы не отступить... на заготовленные позиции. Проще говоря, не сбежать. Жутковатый трупик азовки, смахивающий на заготовку для чучела, впечатался в память накрепко. Впрочем, след скоро оборвался. Всплывя к поверхности, я примерно оценил направление: от берега в глубь моря. Или наоборот.

Большие глубины меня не особо влекут – там темно и зябко. С каждым десятком метров температура понижается градуса на полтора, а на полусотне уже не обойтись без утепляющего костюма. Тем более, подниматься оттуда приходится едва не час, чтобы не *выиграла* кровь. Но если в этих водах впрямь завелись чудища, по ночам резвящиеся у поверхности, то приходить они могли снизу, где вечная тьма. Уж там им хватит соразмерных просторов. Сотни кубокилометров сплошной воды – это ж чокнуться можно!.. Хотя и под обрывом хватало пустот, где вполне могла обосноваться такая вот тварь, любительница ночных охот. И соваться в ее логово не хотелось, тем более что отыскать его не просто.

Все же одну пещеру я решился посетить. Единственный вход в нее скрывался под водой, однако был он широк и не слишком темен, а сама пещера напоминала крытый бассейн, даже с изрядной площадкой у дальней стены. Сквозь высокий ее свод, усеянный многими трещинами, проникал рассеянный свет, и шум прибоя сюда едва доносился. Сумрак, тишина, прохлада. Как раз тут я устроил одну из своих запасных берлог и делить ее не собирався ни с кем.

Но здешний водоемчик, к счастью, оказался пуст. Вдоль покатой стены я всплыл к площадке, выступавшей из воды как раз настолько, чтобы ее не затопляло приливом, и, подтянувшись, присел на краю, избавляясь от снаряжения. Затем прогулялся по длинному уступу, проверяя свои припасы. По первому впечатлению тут тоже все было в порядке. То есть ничего не пропало, а скудная мебель не сдвинута и на сантиметр.

Я уже успокоился, когда добрался до широкого углубления в сплошном камне, специально засыпанного отборным песком, чтоб было где поваляться после купаний. И вот тут затормозил, вздрогнув от внезапности. На ровном, гладком, ни разу не пользованном мною

персональном пляжике возникли отчетливые вмятины. Вот вам и здрасте!.. Ну, кто лежал на моей постели?

Не отрывая от вмятин взгляда, я приблизился, опустился на корточки. Меньше всего это походило на следы чудища. На моем лежбище явно побывала девица, ухитрившись впечатать свое тело во всех деталях, причем с обеих сторон. И как это удалось ей: водой, что ли, полила, затем еще и разрыла под свои формы? А чуть в стороне оставила отпечаток изящной подошвы – дескать, ищи меня по следу. Хороши шуточки!.. А башмачка здесь не припасли? Или хотя бы ластва?

Честно сказать, я испугался. И если б не был уже мокрым, наверно, покрылся бы холодным потом. Собственно, с чего? Странная гостья показала себя шалуньей, но не нахалкой – судя по тому, что не притронулась к чужому. А сюда приплыла, видимо, под водой, обследуя, как и я, береговые пещеры... Ага, с таким достоянием только и мотаться по здешним местам! Как раз на охотничка угодишь. И хорошо, если не обглодает сразу до костей, а растянет удовольствие на год-другой... может, даже приспособит для улучшения породы. Нет, не верю я в купальщиц, прекрасных и одиноких, – прошли те времена, если и были. И на розыгрыш это непохоже – слишком уж сложно. Да и кто знает, чем можно меня уесть? Что я, голых женщин не видал!.. Да каждый день.

Усевшись на камень, я задумался. Не многовато ли странностей на квадратный километр и в такой короткий отрезок времени? Ночные огни под водой, загадочные останки, образующие путеводную тропу, теперь еще эти отпечатки... И как увязать всё в систему? Ну допустим, из морских глубин действительно приплыло нечто. Тогда при чем здесь красotka?

Я представил себе фантастическое существо, хищное, смертельно опасное, невероятно сильное и тяжелое, слепленное едва не из камня, но внешне похожее на прелестную девицу с плавниками по бокам ног, расходящимися вокруг ступней в роскошный хвост... Еще бы позу покрасивше, и готова картинка в духе Валеджо. Эдакая русалочка-людоедка. И что же светилось в ней: глаза-фары, габаритные фонари на пятках? И как умяла она за один присест целого дельфина? Не говоря о паре дюжин рыб.

Мне вдруг послышался за спиной хрустальный смех. Круто обернувшись, успел заметить радужное сияние, затухающее в дальнем углу над самой водой. Или тоже глюки? Дьявольщина!.. Здесь только сирен не хватало.

Мне не пришлось заливать песочные формы гипсом, чтобы воссоздать затем чудесную фигуру в своей мастерской. (Можно и в мраморе, почему нет?) Хватило провести над ними сканером, припасенным в секретной нише. А уж как возникли они тут, будем разбираться после. В конце концов, некоторые тайны и сами рассеиваются с течением времени.

Глава 2

По крайней мере, на моей скале все оставалось как прежде. Ополоснувшись пресной водой, я вернулся в кабинет и подсел к пульта, не утруждая себя одеванием. К этому сроку Лазер вполне мог доплюхать до следующего «партнера», и было любопытно, подтвердится ли моя догадка.

Разумеется, она подтвердилась: Лазер предсказуем до омерзения. Одиночек вроде меня (чтобы вкалывали за троих, но жрали в меру) в городе не оставалось, а из банд лучше выбрать поплоче, где тебя, может, не обдерут как липку. И наш умник выбрал так выбрал! По принципу «рыбак рыбака».

Присутствовать при разговоре я не пожелал – поставил на запись, чтобы прокрутить затем на двойной скорости. И, подкрепившись фруктами, занялся вчерашними заказами, рассчитывая управиться с ними до обеда. Однако и в этот раз меня не отпустили далеко. Только я набрал обороты, погружаясь в Океан все глубже, как меня выдернул наружу звонок. Я чуть не выругался: да что такое? То никого целыми неделями, а то один за другим, как на приеме. Может, сегодня праздник какой? Или в лесу что-то сдохло... что-то громадное, по-видимому. И кто мог звонить в такое время, да еще по личному каналу? Ведь пустыня кругом... точнее руины. Старые связи рвутся, одна за другой, новые не возникают.

Потом сообразил: конечно, это Лана, – кто же еще? Опять про меня вспомнила. Теперь-то по какому поводу?

И вправду, щелкнув по клавише, увидел на экране ее истонченный лик, обрамленный облаком светлых кудряшек. Губы искривлены в мучительной полуулыбке, глаза блестят влагой.

– У тебя все хорошо? – спросила она с надрывом. – Милый, ты здоров?

Я так и не научился понимать, отчего Лана впадает в патетику: из-за лишних градусов или по причине депрессии. Но каждый раз ежусь от таких ее интонаций.

– Даже слишком, – ответил я, действительно испытывая неловкость за свой организм. Большинство прежних приятелей обзавелись серьезными болячками, некоторые даже успели помереть, – один я как заговоренный.

– Ты ничего не хочешь сказать мне?

Знаю, знаю, что ей хотелось бы услышать!..

– Об здоровье? – удивился я. – Дык про него много не расскажешь – це ж не болезни.

– Не ерничай, – попросила Лана. – Ты по-прежнему один?

– Ну, если не считать Хана...

«...и Инессы», следовало бы добавить. Или не следовало? Зачем Лане знать?

– А что так? – продолжала она словно бы с участием. – Это ведь ненормально, неправильно...

Ну да, надо себя заставить. Опять же, воды некому будет подать. Если я взвою, что недужен и пропадаю в тоске, – это ее утешит?

– У меня не осталось ни желаний, ни надежд, – сказал я. – Уж не жду я в гости никого.

– Род, – вдруг молвила женщина, – ты прости меня, ладно?

– За что это?

– Прости... – повторила она и отключилась.

«И чего приходила»? Ах, Лана, Лана, милая моя!.. Ладно, у меня работа.

Черта лысого!.. Только я собрался с мыслями, а чувства затолкал поглубже в себя, чтобы не мешались, – как по ушам ударила певучая трель. И это уже был деловой вызов, причем одного из немногих клиентов, кого я впускал напрямую. Я нажал клавишу, и главный экран вспыхнул, показав **звонившего** едва не во весь рост: русые волосы, зачесанные

назад в крутую волну, жесткое лицо, облагороженное кудрявой бородкой, квадратная литая фигура, ухоженные руки в перстнях, больше похожих на кастеты, добротный наряд, пригодный как для гулянки, так для боя. Бородач восседал в высоком кресле, вполоборота ко мне, и первые секунды, пока хранил неподвижность, смахивал на портрет самодержца.

Еще б его не принять! То был Аскольд, главарь самой влиятельной из здешних Семей. С ним даже новые дворяне считались – тем более, человек он неотступный и беспощадный. Год за годом наращивал он состояние и повышал статус, обрастал помощниками, советниками, боевиками, прикупал технику и снаряжение, умножал связи. Меня-то главарь ценил, я требовался Аскольду частенько, если не постоянно, – но упаси бог попасть к нему в зависимость!

– Ага, на месте, – констатировал Аскольд, прощупывая меня льдистыми глазами. – Слышал новости?

Затем он надел темные очки, словно бы отгородился от меня. И в них, как в зеркале, отразилась вся комната, в глубине которой угнездился главарь. Звонил он из своего офиса, как и всегда, окунувшись в дела с самого ранья.

– Смотря какие, – ответил я, принимая его стиль: ничего лишнего, каждое слово взвешено. – Что, опять кого-то кокнули?

– Ну, то наш быт, – главарь слегка скривил рот, обозначая улыбку. – Хочешь быть здоровым – бегай или «качайся». х очешь быть живым – уходи от больших денег...

Например, как это делаю я. Вот Аскольд пока ухитряется совмещать.

– ...к очень большим, – неожиданно прибавил он. – А до тех пор...

И снова замолчал.

– Пора оборудовать в подъездах кресла для киллеров, – заметил я. – Удивительно, что фирмачи еще не забираются домой через окна.

– Теперь и это не спасет.

Я вскинул брови, изображая заинтересованность.

– Кто-то методично прореживает здешний крупняк, от торгашей до чинуш. И работают ребята ушлые – никаких следов, если не считать тел. Прежде у нас такие умельцы не водились.

– Ну почему? – сказал я. – Как раз у нас многие хлебнули горячего. И бывших гэбистов сюда наехало, а среди них хватает спецов.

– Все равно тут провинция – лучшим делать нечего.

– Включая крутарей?

– Включая политиков. В масштабе страны наша губерния такая дыра!..

– Это да.

– А некоторых прибирают прямо на виллах, – продолжал Аскольд. – Чаше при купании, а то и в дома проникают. Разве не слышал? Это ж тебя напрямую касается.

– Ну, ко мне-то непросто забраться, – возразил я. – И вряд ли кому я мешаю настолько.

– А разве ты мало отказывал? Есть ведь, кто живет по принципу: не мне, так и никому.

– К примеру, ты?

– Во всяком случае, – усмехнулся Аскольд, – мне проще их понять. Ты ж – «не от мира».

– Может, по пьяни тонут? – предположил я. – Работа нервная – хочется расслабону. Вдобавок и гуляют после заката.

– Чего ж раньше не тонули? Ни с того, ни с сего...

Действительно, здешние-то с малолетства на море, для них плавать как ходить. Хотя дельфины плавают еще лучше, а вот поди ж ты!

– Хорошо, возьмем задачку шире...

– В смысле территории? – уточнил я.

– В смысле охвата проблемы. Убийства – частность. Вокруг вообще творится странное.

– Например?

– Например, у Кныша умыкнули девицу. Не на улице, нет, – прибавил он, опережая мой вопрос. – Ночью, прямо из спальни. По мне, так и бог с ней, но парень психует. Молод еще, привязчив. А мне он нужен в хорошей форме – сейчас от него многое зависит.

– Большой обоз, да? – спросил я, демонстрируя осведомленность. Иногда это полезно – для саморекламы. Хотя можно переусердствовать.

Аскольд пропустил вопрос мимо ушей – уж это он умел.

– Но и это частность, – сказал он. – Даже вдвойне.

– То есть?

– Во-первых, случай не единичный – мягко говоря. В городе будто дудочник завелся: каждую ночь пропажи. Дети, девицы, реже – парни. Во-вторых, странности этим не исчерпываются.

«Но это еще не все!» – сказал Мюнхгаузен.

– Чем дальше, тем интересней, – заметил я. – Ты не пробовал сочинять триллеры?

– Без меня сочинили. Хотелось бы знать – кто?

– А если опять охотнички на рабов? Товар-то – самый ходовой.

– Мы проверяли – ничего похожего. Или ловцы той же породы, что и убийцы: следов не оставляют.

– Не оставляющие следов, ну да, – пробормотал я с сомнением. – Скорее их не разглядели.

Аскольд кольнул меня взглядом, доставшим даже через очки, произнес:

– А еще в городе стали всплывать занятные предметы. Мы уже выловили несколько образцов. И сегодня наконец узнали, откуда ветер дует.

Прикинув время, я усмехнулся:

– «Разведка доложила точно»? Так и думал, что Калиду пасут твои люди.

– С чего взял?

– Так ведь Лазер сперва у меня побывал.

– А потом?

– Ну, а на «потом» у меня свои средства.

– И почему не сообщил?

– Вот на доносы не подписывался. Ты ж знаешь: я на отшибе.

– Но разве я не прикрываю тебя?

Действительно, без его покровительства у меня прибавилось бы хлопот. (Да он и сам бы подкинул.) Хотя такая «дружба» стоит недешево.

– Наверно, за красивые глаза? – предположил я. – Или все-таки к взаимной выгоде?

– А сколько я поставлял тебе, помнишь? – спросил Аскольд.

Так, начинается торг. Ведь солидный же человек... с виду.

– А сколько я наводил тебя? – в тон ему откликнулся я. – Информация нынче в цене, разве нет?

Главарь знал это не хуже меня. И что я нужен Семье, тоже понимал. А торговался больше по привычке. Конечно, он платит за все, что не удастся отобрать, но цену все-таки старается сбить.

– Ты ж знаешь: у меня нюх на наживу, – снова заговорил Аскольд. – Своего не упущу. – («Чужого тоже», – прибавил я мысленно.) – Так вот, парни с набережной ведут себя, будто у них монет немеряно. Откуда – я хочу знать. Или они клад нашли? Или им башляет кто? Но дело и в другом... – Наклонясь вперед, он понизил голос, будто его могли подслушать: – Ты ведь тут главный по новинкам? Так они переплюнули и тебя. Тех вещей, что у них мелькают, ни в одном каталоге нет. О чем это говорит?

– Что ты фантастики перекушал, – проворчал я. – Некоторые разработки даже в Океане не выловить – пришельцы тут ни при чем.

– Тогда откуда это у тех? Раз там такие связи, они бы и мне сгодились.

– Денежки тоже?

Знакомая песня: надо делиться! Гимн всех грабителей.

– Знаешь, во что нам встает каждый обоз? – спросил Аскольд. – Ведь развелось столько шакалов! Пока проведешь через дикие земли... А суеты под боком я не люблю. Люди пропадают, взамен возникают предметы роскоши. Разве это не наводит на подозрения?

– Делаешь стандартную ошибку: судишь по себе, – возразил я. – Поверь, есть в мире и бескорыстные люди.

– Только не в делах. – Аскольд снисходительно улыбнулся. – И не в политике.

– А-а, – протянул я. – Все ж решил в нее сунуться? Крутарских игр тебе мало. Ну, большому кораблю – большие пробоины!

– Это прогноз?

– Предупреждение. Хочешь сыграть на чужом поле? Это ведь не простецкий гангстерский быт, где при худшем раскладе могут нашпиговать железом либо разнести в клочья, там дерутся по иным правилам... точнее, без правил. «Не для чести, а для победы» – слышал такое? Думаешь, твоих накоплений уже хватит, чтоб обезопасить себя и близких?

– Ты меня заинтриговал, – улыбка крутаря сделалась похожей на оскал. – Игра обещает быть не скучной, да?

– Ладно, все это занятно. Только я-то при чем?

– А ты нынче при всем, – хмыкнул Аскольд. – Так уж сложилось, исторически. На фуршетах только и слышно: «Шатун присоветовал мне это», «а вот мне – то». Становишься популярным, в модуходишь.

Ишь, фуршеты у них!

– Осторожней, – пробормотал я. – Еще зазнаюсь.

– Не прибедайся. Ты ведь и вправду – лучший тут.

Проблема в том, что Аскольд никогда не расточает похвалы даром.

– Ну и к чему этот звон? – спросил я напрямую.

– А к тому, родной, что пора и тебе заняться наконец делом.

Еще один доброхот – мало мне Лазера. Но этого так просто не завернешь.

– Слышал про «мозговую деятельность»? – спросил я. – Между прочим, пользуется спросом.

– Ну да, ты ж не вылазишь из Океана, – с пониманием хмыкнул главарь. – Что тебе до нашей суеты!

– А тебе завидно?

– Еще бы. Сидишь на бережку, забрасываешь невод, выдергиваешь чего пожелаешь. И никаких забот.

– Так садись рядом. Места тут!..

– Ты в каком мире живешь? – спросил Аскольд. – По-твоему, тебя оставят в покое?

– Моя б воля!.. Кого хочу видеть, по пальцам можно пересчитать.

– Небось, на меня бы палец пожалел? – усмехнулся он. – А ведь я подбрасываю тебе работенку.

– Нынешняя – не по профилю. Я тебе кто, сыскарь?

– Считаю ее хобби, – предложил главарь. – Если настаиваешь, могу не платить.

– Ну, это положим!

– Лучше тебя, Шатун, никто не справится. А цену назначь сам.

Тут Аскольд не слишком рисковал, знал: лишнего не возьму. Вот с другими повел бы себя иначе. Психолог.

– А почему копов не привлечь? – спросил я. – Из них же половина у тебя на довольствии.

– Я башляю им, чтоб не мешали. А найти что-то они смогут, если подбросить это прямо в участок, упакованным в мешок.

– Хорошо, а твои частники? Ведь ты курируешь почти все сыскные фирмы!.. Не говоря об охранных.

– Конечно, там есть умельцы, – признал Аскольд. – Наверно, и получше тебя найдутся – как-никак узкие спецы.

– Видишь? – подхватил я, хотя без особенного пыла. Как это: лучше меня? Конечно, я не звезда лучезарная, но уж в масштабах-то губернии...

– Но то и плохо, что «узкие», – продолжил главарь. – И тут вопрос деликатный, утечка ни к чему. Короче, нужен не наемник, а рыцарь.

– Это ты о ком? – спросил я, подумав: эх он меня... пригвоздил.

– Будто сам не знаешь!

Конечно, я догадывался, о чем речь. Есть у меня врожденный порок: не умею врать. Даже не могу – физически. То есть сболтнуть способен что угодно, но если это окажется настоящей ложью, потом могу заболеть. Этот недостаток сильно осложняет мне жизнь, и не только потому, что ограничивает маневр, – ориентироваться трудней. Постоянно приходится напоминать себе, что большинство-то врет с легкостью, некоторые – вдохновенно, обманывая даже себя. Немало знакомцев, верно, считают меня придурком, но, как оказалось, в иных ситуациях убогие на вес золота. Уже не раз меня привлекали к посредничеству, и я вроде бы оправдывал. Хотя под горячую руку доставалось с обеих сторон. Зато и платили потом вдвойне.

– Ну хватит, Род, слезай с печи! – призвал Аскольд то ли всерьез, то ли с издевкой. – И для твоих подвигов в мире найдется место.

– Так ведь тридцати лет еще не прошло, – возразил я. – Опять же непьющий я – откуда сила?

И тут действительно начался торг. На кованом лице Аскольда даже проступил азарт. Сколько мы знакомы, он не оставлял попыток меня подмять, будто это требовалось для его коллекции трофеев. Однако не пережимал, поскольку больше радел о выгоде, а я был полезным партнером. Но **мог** сделаться опасным противником. Конечно, из интереса Аскольд **мог** бы сыграть со мной на выживание, но пока ему хватало естественных врагов. И сейчас мы будто мячик через сетку гоняли, туда-сюда, а в такую игру можно резаться долго. Тут уж кто кого переупрямит. Но свободного времени у меня больше.

– Будет выеживаться-то! – Аскольд позволил себе повысить голос. – Ты ведь уже брался за такое.

– Брался, – подтвердил я, зевая. – Со скуки.

– Все равно, прецедент создан. – Он хмыкнул. – Теперь не отвертишься.

– Я его породил...

– Всё, птичка выпорхнула!

– Своих «птичек» я далеко не отпускаю.

– А мы и таких умеем бить влет.

– Хочешь напугать меня?

– Купить, – спокойно возразил Аскольд. – Конечно, шантаж вышел бы дешевле.

Но меня не за что зацепить – это имелось в виду.

– Давеча заказал «Малютку» у партнера, – сообщил он затем. – А ведь могу затребовать две.

Знает, мерзавец, чем уесть. «Малютка» – прогулочная мини-подлодка, в которой можно погрузиться не на одну сотню метров. Вот она не по моим средствам. А ведь хочется!.. Не

торопись отвечать, велел я себе. Здесь уважают тех, кто цедит слова. И потом, если я отказал Лазеру, то почему должен уступать Аскольду? Потому что тот – сила?

– Так что? – осведомился главарь. – Заказывать?

– Знаю я ваши порядки! Завалю дело, сами ж и подошлете ликвидатора.

– Ты бы меньше фильмы смотрел, – посоветовал Аскольд. – Там и не такое покажут.

– Ну почему, иногда их делают знающие люди.

– То-то, что иногда.

– Так ведь и одного совпадения может хватить с головой?

– Хорошо, – внезапно сказал Аскольд, – давай начистоту.

Давно пора, подумал я, но лишь кивнул, принимая этот его новый шажок к откровенности.

– Мне нужен не столько сыскарь, сколько эксперт, – объявил он. – Даже аналитик. И дело не в тех парнях – они лишь часть задачи, не самая важная. В губернии вообще творится странное, а я не люблю не понимать. И если ситуация выйдет из-под контроля... Представляешь последствия?

– Не очень, – признался я. – Придет новый король? Или Земля сойдет с орбиты?

– Тебе всё шуточки. А ты напрягись, представь!

– Ты ж знаешь, – снова сказал я, – у меня свои интересы. Отшибник я.

– Заладил!.. Уверен, тут наши интересы совпадут.

– А если нет?

– Ну... тогда и будем разбираться.

– А скафандры ты получил? – перешел я в контратаку. – Сколько можно дожидаться!

– Как раз сегодня.

– А «стрекозы», «плавунцы»?

– В одном обозе прибыли. Вовремя, да? Заодно и опробуешь в деле.

– Ладно, – нехотя сказал я, – берусь. Но без гарантий. Все ж это не мое.

– Когда? – сразу спросил Аскольд.

– Завтра и начну.

– А почему не сейчас?

– Нужно созреть. Сам понимаешь, с моей-то массой...

– Повышенная инерция, да?

– Именно.

– Потребуется люди, техника, средства – обращайся. Но правила знаешь: вляпаешься – я ни при чем.

– Уж как водится.

Спасибо, что предупредил, – большинство поставило бы перед фактом. У Аскольда хватает ума быть честным – пока это выгодно.

– Заодно разберись с пожаром в порту, – неожиданно вернул он. – Кто-то подложил нам откормленную свинью, спалил едва не весь вчерашний завоз.

– А ты перекладываешь ее мне? Называется, «передай товарищу»... Из-за пожара и подкатил, да? А прочее – дымовая завеса?

– Скорее дым от того пожара, – ухмыльнулся он. – Можешь считать этот пункт не самым важным.

– Понятно, – хмыкнул и я. – То есть развлекай себя сколь душе угодно, но оплата по предъявлению поджигателя. Так?

– Ну, примерно.

– А если я сейчас сдам назад?

– Так ведь не сдашь, верно? Ты ж не из тех, кто легко меняет решения.

– Так ведь я трудностей не боюсь. В преysкуранте пожар не фигурировал.

– В чем проблема? – пожал плечами Аскольд. – Включим. А скафандр, «стрекоза» и «плавунец» пойдут в счет аванса. Разве не честно?

Кажется, мою паузу он принял за согласие. Или решил развивать наступление, пока противник не опомнился.

– И от моего повара тебе заказ, – прибавил главварь, щелкая по клавишам. – Что-то из корейской кухни, кажется. Поищешь рецепты?

– Надеюсь, не печеная собачатина?

– И я надеюсь.

В зеркале Аскольдовых очков я увидел, как открылась дверь и в кабинет вступила девица, зажав под мышкой папку, – шикарная и холеная точно модель, искусно раскрытая в потребных местах, – одна из любимиц-двойняшек главаря. Уж он, в отличие от чинуш, мог заполучить в секретарши кого желал. И супруга не препятствовала. Или ей плевать?

Улыбаясь, девушка опустила папочку на стол и отправилась обратно, зазывно мотая бедрами, обтянутыми тонкой юбкой. Аскольд проводил секретаршу одобрительным взглядом. Обычно он ласков с красотками, словно Черный Абдула до развода, – может позволить себе такую роскошь.

Не успела за ней закрыться дверь, как и в моем кабинете возникла женщина, изящная и грациозная, отлично сложенная, загорелая до шоколадных тонов. В руках она несла поднос, груженный моим завтраком, – то ли ощутила, что я созрел для трапезы, то ли копнула еще глубже, в угоду мне решив помозолить глаза Аскольду. Переставив блюда на столик, она развернулась и так же плавно удалилась, будто утекла. Прищурясь, Аскольд глядел на голышку «раскосыми и жадными очами». Все мало ему, мало!.. Может, и этому присоветовать пылесос?

Заправленный главварем листок уже нарисовался на моем экране. Я бегло просмотрел список, поинтересовался:

– А что так тускло? Сейчас последний писк – водяные скорпионы.

– Что, сами и пишат, пока ешь? Вот саранчу я бы попробовал.

– А матку термитов под фруктами не желаешь? – развеселился я. – Или мексиканских кузнечиков, замаринованных в лимонном соке? Или жаренных пчелиных личинок – говорят, классная закуска!

– Тебе видней, – сказал Аскольд, взглянув на часы. – Ну, до завтра.

– Будь.

Экран потух, и еще пару минут, забыв про еду, я смотрел в него, прикидывая, не свалил ли дурака с этим поручением. Ситуация-то щекотливая, тут можно в такое влететь!.. За все старания потом наплюют в душу, причем отовсюду. И как подгадали оба, Лана и Аскольд, со своими звонками. Муж и жена, ну да. Они что, специально друг друга терзают? Зато как бы вместе, как бы семья – глядишь, скоро и дети пойдут. То есть сперва они родятся, а уж затем ходят – так я слышал.

Вздвогнув, я перевел взгляд, реагируя на движение. Через пульт деловито семенил крохотный паук – из тех бегунков, что обычно живут снаружи. И как его сюда занесло? С трудом я удержался, чтобы не прихлопнуть пришельца. Ненавижу пауков! Но ведь это мои проблемы – они при чем?

– Даю тебе шанс, – сказал я паучку. – Уноси ноги, гаденыш!

На его пути лежала моя кисть, кончиками пальцев касаясь клавиш. Стиснув зубы, я ждал. Пусть только посмеет дотронуться!.. Чуть изменив курс, паучок проскочил под мизинцем, точно под аркой, и благополучно достиг края панели, скрывшись с глаз. Счастлив твой бог, малыш!.. Или кто там у вас?

Вместе с креслом я развернулся к столику и наконец принялся за еду, не прекращая думать о своем новом деле. Действительно, я многое умею. Конечно, по каждому из направ-

лений найдутся искусники, способные меня обставить, – однако на такой случай у меня хватает запасных вариантов. Независимости ведь можно добиться не только силой, но и знаниями, которых нет ни у кого из здешних. Конечно, если распоряжаться ими с умом.

В любом случае от поручения, видимо, не отвертеться. К тому ж и не хочется, если честно. Но сперва надобно добить предыдущие заказы. Забросив ноги на панель, я положил клавиатуру на бедра и принялся за работу, с каждой минутой набирая обороты. Поиск шел на пяти основных языках, а материалов порой набиралось столько, что приходилось включать отбраковку – на том простейшем логическом уровне, какой мог осилить Дворецкий.

Кстати, методику усвоения языков я тоже выловил в Океане. Поразительно, насколько она оказалась эффективней той, которая применялась в советских школах. За пару месяцев уходишь намного дальше, чем за годы прежней учебы. Если бы я хоть немного уважал тогдашних правителей, решил бы, что нам специально морочат головы, лишь бы мы не слышали мир, пытавшийся докричаться до нас из-за «занавеса».

И вот сейчас я все глубже погружался в Океан, безграничный, неиссякаемый. Правда, по ощущениям это скорее походило на космос, причем не здешнюю пустошь, а центр Галактики, где от светил рябит в глазах. А пуще всего я шалел от ощущения полета, лишённого даже инерции. Когда паришь в невесомости, пронизанной мириадами серебристых нитей, и каждую ощущаешь едва-едва, как легчайший запах, по которому можно взять след... а затем устремляешься на цель – мгновенным, невероятным броском, так что прочие звезды сливаются в марево.

С «хвостами» я разобрался быстро – подгоняло желание переключиться на новое дело. Что и сделал, пока не растерял инерцию. Обычно я воспарял в такие дали, что едва различал здешние окрестности. А теперь принялся штудировать местную прессу последних недель, вылавливать телепрограммы, куда прежде не заглядывал, листать странички информаторов, успевших зарекомендовать себя, как толковые, – даже перебирать мусор, какой сбрасывали в Океан досужие болтуны. Я забрался в архивы губернским полицией и скачал оттуда, что смог. Даже в секретные банки федералов сумел проникнуть, хотя не почерпнул там особо ценного, касающегося наших проблем. Конечно, губернский «народ» старались уберечь от пагубного влияния Океана. Еще пуще стерегли коммунаров – их и вовсе отгородили забором, заперев в Лагере. Но и оттуда информация поступала. или просачивалась. или ее можно было выцарапать, взломав энное число замков.

Действительно, ситуация вырисовывалась странная. В большинстве губерний тенденции схожи, но здешняя выбивалась из общего ряда, шла с немалым опережением. А пуще всего отличился наш городишко, свежее испеченный губернский центр. Кривые убийств, насилий, несчастных случаев взмывали тут много круче, а статистика людских пропаж и вовсе зашкаливала. И происшествия – как на подбор. Ну, навскидку...

Один идиот вообразил, будто ему изменила подружка, хотя та даже не знала его имени, и порешил обоих, девицу и соперника, – в полной уверенности, что карает предателей. А трупы укатал в фундамент строящейся дачи, чтобы остаток жизни топтаться по их телам. Кстати, «остаток» получился недолгим: у бедняги-соперника оказались настырные родичи.

Другая дурища подговорила любовника избавить ее от мужа, и они обстрипали дельце в лучших традициях французского кино, где принято умиляться любви, замешанной на крови. И этих уже прибрали копы.

Третий без лишних слов зарезал приятеля, в запале окрестившего его козлом, – ну «не вынесла душа» бывшего ээка, рефлексy включились.

Четвертый, еще совсем щеня, разобиделся на свою мать настолько, что натравил на нее старших дружков, и от пережитого общения с молодняком у той поехала крыша – это не считая «разрыва вагинальных тканей».

Пятый пришел маменьку самолично – вот тоже, пошло поветрие. Конфликт поколений, разрешаемый по-новому.

Шестой зарезал и расчленил папашу, а для подкормки домашних кошечек не пожалел плоти, от коей произошел сам. И поминал об этом так обыденно.

А вот седьмой, тоже подросток, вздумал повеситься – в надежде, что возвращающийся домой отец вынет из петли. Но тот чуть замешкался, заболтавшись с соседом, и фарс превратился в трагедию.

Восьмой – это и вовсе бред. Скромный, вежливый парень, классический «тихий омут». Бог знает, где он набрался этого, но главной его страстью стало пожиранье девиц, вылавливаемых в соседнем парке. Даже свою кошку ими питал (еще один), а в морозильнике держал запас любимых частей. Десятка два расчленил прежде, чем его взяли, – куда Джеку-Потрошителю! Однако тот прославился на века, а этого забыли сразу.

Девятый пристрелил женушку со всеми детьми, затем и себя кончил – лишь бы та не бросила его. Вот так понимают у нас большую любовь. И чего б ему было не начать с себя?

И прочих мстителей развелось столько, будто все разом вспомнили прошлые обиды и решили за них поквитаться. Впечатление, словно плотину прорвало.

А местный фольклор обогатился многими байками. Дешевых-то выдумок и раньше хватало, но при нынешнем обилии дыма, даже если рассеять его весь, должен обнаружиться и огонь – или я ничего не смыслю в добыче знаний. Какая-то загадочная живность, замечаемая тут и там, чаще под землей, или вблизи вод, или в самом море. Опять пошли рассказы про исполинских крыс, якобы нападающих на людей, – любимые персонажи зачуханных бытом горожан. И про гигантских пауков. (Это уже по моей части: арахнофобия.) Сюда же примешивались истории о смертоносных роях пчел и несметных стаях саранчи, частью подтвержденные документально.

Расслоение – и расселение – происходило у нас быстрее, чем где бы то ни было. За последние пару десятилетий здешний люд сильно поредел, зато жилищная проблема наконец разрешилась. Освободившись от крепости, горожане дрейфовали по городу, образуя новые сообщества, сцементированные интересами или убеждениями. В разных его районах даже валюта разная: деляги перешли на «менчики», приплывшие из Европы, у «народа» в ходу местные фантики, кое-где еще предпочитают федеральные деньжата, а в Лагере и вовсе талоны.

Вообще, что имеем тут?

Во-первых, сферу влияния Двора с достаточно внятной, хотя бестолковой структурой власти. Во-вторых, разбросанные по всему городу участки, где смешались торгаши, частники, наемы всех сортов, бандитские Семьи и простые банды, одиночки вроде меня или, скажем, Гая, вольного репортера. В-третьих, таинственный, зато четко очерченный Лагерь, который потому и таинственный, что никому на фиг не нужен, – вроде «неуловимого Джо» из популярного анекдота. В-четвертых, общину казаков, вдруг вспомнивших о своей самобытности, – с собственным самоуправлением, но явно тяготеющую ко Двору, практически подчиненную ему. Чуть поодаль, в горах, кучкуются муселы: от воинственных абреков, промышляющих набегами, работорговлей, наркотой, до мирных торгашей, земледельцев, ремесленников, еще не разучившихся работать. Да, еще и Кампания! На какую, собственно, и падут лагерники-коммунары... хотя охраняют ее сторожевики Двора... кстати, как и сам Лагерь. Сия троица, видно, плотно увязана общими интересами, если все там настолько дружны.

А вокруг этих стержней чего только не наворачено: национал-патриоты, чаще именуемые «нашистами», старозаветные монархисты с претензией на сословные льготы, самозванные демократы, ухватками напоминающие большевичков, верующие разных конфессий, полоумные сектанты, «тарелочники», свихнувшиеся на пришельцах. И все суетятся,

обличают, агитируют, заключают союзы и объявляют войны, воздвигают пьедесталы себе, а другим роют могилы. Тоже мне, спектр!.. Впору из него делать колечко, сомкнув краями. И уж они сцепятся так, что не растащишь, – с общим языком проблем не возникнет.

Тенденции тоже не радовали. Бывший губер, а ныне президент с подозрительной фамилией Алмазин и заслуженной кличкой Клоп пустил тут такие корни, что скovyрнуть его можно, лишь разворотив полгубернии. Прожорливый его Двор занял на местности ключевые высоты, подступы окружив свирепыми сторожевиками, а на вольнодумцев натравив «бесов», злобных и въедливых. Впрочем, как и во всех приличных державах, у Двора завелась собственная оппозиция, ведомая горлопаном Дарыговым. Еще при Дворе имелся Собор, опять же Народный, вполне заменявший большинству горожан театр, своя телестудия, вещавшая на всю губернию и даже дальше, парочка весьма лояльных газет да серенький журнал для домохозяек.

Кстати, в «народе» происшествий фиксировалось мало: то ли контингент не тот, то ли действительность умело лакировалась. Даже девицы вроде не пропадали. И вряд ли в блеклой массе, которую за прошлые десятилетия разве что дустом не травили, сохранилось аппетитные цыпочки. Всё, что уцелело там живого и яркого, давно переключалось в иные сферы, а ежели и остался кто, то разглядеть его в толпе, ряженной в ширпотреб, непросто. Стало быть, основной вклад в статистику пропаж делали торгаши да наемы, наше третье сословие.

Итак, торгаши – вот и снова вернулся к ним. Уж они в Океане представлены отменно, хотя бы ради рекламы. А где торгаши, там и муселы, – уж так сложилось тут, несмотря на прошлые разногласия. Чтоб не дразнить гусей, муселы отселились в родные горы, рассредоточась по неприступным аулам, но продолжали вести в городах дела, заручившись посредничеством славянских партнеров.

Впрочем, бандитские Семьи тоже не чурались бизнеса. Контрабанда – одно из главных и уважаемых здешних занятий, к тому ж едва не самое доходное. Потому-то на нее наложил лапу Аскольд, оттеснив в сторону даже Грабаря с родичами, основных своих конкурентов, – не говоря об Амуре, Носаче и прочих главарях рангом пониже. Близость границы, удобный, недавно модернизированный порт – лучших условий трудно и желать. Функция, вторая по значимости, – охрана. Причем не только от признанного отребья да разных отморожков, но и от простого люда, всегда готового раскулачить богатых соседей. А удержать его на дистанции может лишь страх – вот крутари и сделались таким пугалом.

Когда голова стала гудеть от обилия сведений, я всплыл из Океана, нехотя возвращаясь в обыденность. Затем переключил экран на местный канал, чего не делал уже давно. Там как раз вещал обозреватель. Неизвестно, что думал он сам, но сейчас штатный говорун явно озвучивал Алмазина, гладкой речью возмещая косноязычие старого интригана. Эдакий рупор власти, всегда готовый к использованию. А невдалеке, также на подхвате, теснятся умельцы любых мастей, от борзописцев до экономов. Всё, как в «старые добрые». Собственно, что изменилось? Разве масштаб – мельчает всё. Ну, еще занавес истончился, а рядом образовались иные потоки. И если очень уж не хочешь продаваться чинушам, выбрать найдется из чего. Да только многие ль не хотят «очень уж»? Главная кормушка все-таки у Двора. И как в прежние годы, расталкивая локтями, – «выбери меня, птица счастья»!..

М-да, когда погружаешься в такое, любви к человечеству не прибавляется. Надо хотя бы дозировать. А посему самое время испить горячего коф-фе, взбодрив осоловевший организм, а заодно усладить себя выпечкой, которая удастся Инессе, как немногим.

Ощутив, что я не прочь сделать перерыв, женщина снова наведлась в кабинет, доставив угощение, о коем мне мечталось сейчас. И после недавней ее выходки, так впечатлившей закаленного Аскольда, я поневоле глянул на Инессу пристальней, засомневавшись, один ли живу тут или все-таки вдвоем.

Инесса была опрятна, ухожена и, несмотря на не юный уже возраст, обладала точеной фигурой, которую не стеснялась демонстрировать. Впрочем, она настолько густо и ровно загорела, что и без одежды не выглядела голой. Иногда Инесса надевала белые носочки – то есть носки и ничего больше. То ли для контраста, то ли желая показать, насколько чисто в комнатах, – действительно, подошвы носков сохраняли снежную белизну. И лишь в самые прохладные дни она набрасывала на себя рубаху, едва покрывавшую ягодицы.

Лицо ее отличалось четким и диковинным разрезом глаз, столь же чеканным абрисом губ, высокими скулами – видимо, семитский вариант с толикой азиатской крови. Вокруг глаз проступили морщинки, честные и заслуженные, зато не было деформаций, свойственных располневшим людям. Щеки гладкие, впалые, волосы блестящие, темные сплошь. Шея высокая и на диво свежая, хотя у многих именно она выдает возраст. А судя по упругим, прорисованным мышцам, Инесса регулярно посещала мой тренажерник.

Еще у нее имелись маленькие аккуратные ступни, которыми она умела неслышно ступать по здешним коврам, паркетам, лестницам. Вообще женщина оказалась тихой и незаметной, словно бы пришибленной жизнью, – меня это устраивало. Тем более, что свои обязанности Инесса исправляла с редкостным фанатизмом. Временами ее патологическая чистоплотность раздражала, но моей всегдашней небрежности требовался противовес, а лучшего трудно и желать. К тому ж Инесса никогда не корила за кавардак и вообще больше помалкивала. Мы жили, почти не пересекаясь. В доме хватало гостевых комнат (хотя гости случались редко), а также спален, кабинетов, ванн, так что мы существовали будто в параллельных пространствах. Временами я даже забывал о присутствии Инессы и, натываясь на следы чужой деятельности, не сразу соображал, кто тут подсутился.

Впрочем, в моем особняке, оборудованном программируемым техноцентром, пылепоглотителем (пресиптроном), стиральным и кухонным автоматами, работы у Инессы было не много. Я вполне мог обойтись без прислуги, но женщина сделалась для меня подобием домашнего зверька, а ответственные люди не выгоняют прирученных. К тому же собственного угла у нее не осталось, и выгонять пришлось бы если не на улицу, то к очень дальним родичам, которым и без Инессы жилось тесно.

Кстати, готовила Инесса получше моего автомата, и запас блюд у нее изысканней. Я не кревоцентрист, но когда к столу подают, скажем, утку, фаршированную крабами... Стерильные полотенца, благоухающая постель, сверкающие раковины – к этому привыкаешь. И массажистка из нее классная.

Наверно, Инесса не отказала бы и в сопутствующих услугах, но как раз их от нее не требовалось. Может, и жаль: в автономном плавании удобно иметь под рукой всё, включая подружку. С другой стороны, это добавило бы мне забот, а ее подвергло бы лишнему риску. И потом, знаю, как это бывает – стоит лишь заступить. Сразу начинает вязаться цепь обязательств, обещаний, привычек, постепенно опутывающая по рукам и ногам. Конечно, с Инессой могло пойти по иному сценарию, но зачем рисковать? Мне нужней хорошая домоуправительница, чем любовница... еще неизвестно, кстати, какая.

Глава 3

После визита Инессы я проработал еще с пару часов, когда снаружи вкрадчиво поскреблись.

– Чего тебе? – откликнулся я, спуская ноги на пол и разворачиваясь вместе с креслом. – Ну, заходи!

Дверь открылась, и в кабинет вступил Хан, бережно неся в пасти пушистый комок. За пару метров от меня он опустил находку на ковер и придавил громадной лапой, чтобы не трепыхалась. Комок оказался котенком непонятной породы, эдакий дымчатый полосатик. Был он совсем крохой и, похоже, еще не научился бояться – ни людей, ни даже собак. Выглядел он скорее недовольным, чем напуганным, и казался ухоженным, будто на улицу его выкинули недавно. Отвезли подальше и бросили за бордюр. А теперь кошарик пробирался домой, чтоб выяснить с хозяевами это недоразумение. То-то им будет радость!

– Тебе здесь что, ковчег? – осведомился я. – Где подобрал?

Пренебрегая вопросами, Хан с ожиданием смотрел на меня, зацепенев в изваяние. Все же он псих – нормальные собаки так себя не ведут.

– Пусти, – велел я, и пес аккуратно убрал лапу.

Слабо мяукнув, малец распрямился и тотчас устремился ко мне, будто решил познакомиться ближе. Наверно, и к Хану он так же бросился – тот и размяк. Добравшись до моих ног, котейка угнезвился меж них и удовлетворенно замурчал, словно признал во мне утерянную маму. И почему меня не боятся слабые?

– Может, его со скалы, как в Спарте? – предложил я. – Тест на выживание.

Но такой исход вряд ли устроит Хана. Видимо, он нуждался в приятеле – одного меня псине мало. Возможно, и Инессе жизнь покажется веселей. А вот при моей общительности уместней обзавестись кактусом.

– Ладно, под твою ответственность, – нехотя уступил я. – Но если вздумает метить!..

Впрочем, не моя печаль. Отучить котяру от дурных замашек будет кому. Надвинувшись, Хан поднял его за шкварник, точно вступивший в права родитель, и вынес из комнаты – тот даже не пикнул. Кого ж из него воспитают, хотел бы знать, – волкодава? Ага, карманный вариант.

– И чтоб обивку не драл! – рывкнул я вдогонку, уже жалея, что разрешил. Придется теперь и в своем доме ступать с оглядкой, чтобы не раздавить малявку в кровавой блин. Много ли надо такому шкету?

И стало их... то есть нас... четверо. Не считая Дворецкого. Все ж это событие меня отвлекло. Да и хватит, пожалуй, грузить мозги – пора задействовать мышцы.

По винтовой лесенке я спустился в подвал, занимавший едва не больший объем, чем наземные этажи. Если исключить кабинет, все рабочие помещения были устроены тут. И строительством своего тела я тоже занимался под землей.

Увы, я не отношусь к феноменам, которым всё дается без усилий, и даже сила у меня приобретенная. В одном превосхожу остальных: никогда не был «лежачим камнем». Ну, угораздило родиться не там и жить не с теми – это же не конец света? Почти всего можно достичь, если не ждать, пока само свалится на голову. При должном усердии доступны любые знания, умения, навыки – хватило бы ума этим распорядиться. Даже физиологию можно подправить, хотя тут и трудно соблюсти меру. Слишком многие не удержались на лезвии, поддавшись азарту или жадности. Но не я. Уж балансировать я научился – за столько-то лет. Пожалуй, меня с полным основанием можно окрестить Self-made-man, причем мало кто из «самоделок» брался за себя столь же капитально. Я изучил свое тело досконально, прежде чем взялся за его модификацию. Существуют оптимальные пропорции, включая точки, где

мышцы крепятся к скелету. И уже есть методы коррекции костей, как в длину, так и в ширь. Даже можно повысить их прочность. Шажок за шажком, я привел свой костяк к намеченному оптимуму, прибавив себе роста и размаха плеч, удлинив конечности, укрепив связки. К счастью, изначально я пребывал от этого не слишком далеко, иначе бы вряд ли добрался. Можно приbedнаться сколь душе угодно, но когда видишь калеку или карлика, то понимаешь: уж с тобой природа не поскупилась.

Затем я принялся строить мышцы – точнее достраивать, поскольку крепким парнем был с юности. Но в прежние времена, когда не хватало ни знаний, ни кормежки, большие достижения требовали таких затрат, на какие решались только фанатики. А надобности особой не было, и не поощрялось это, мягко говоря. Конечно, в том возрасте все далось бы намного легче. С другой стороны, кто знает, куда занесло бы меня тогда – без нынешних-то тормозов?

Понятно, в большую мишень легче попасть – если она движется не быстрее малой. А ведь скорость задают мышцы. Видели вы, как атакует медведь, мой тотемный зверь? Эдакая глыбища, с виду неуклюжая и медлительная, вдруг срывается с места, а его разящая лапа почти растворяется в воздухе, с легкостью сокрушая хребет секачу. Упаси бог разбудить его ярость!

А кто бы знал, чего стоило мне растянуть мышцы! Силу-то можно набрать в любом возрасте, но вот гибкость... А без нее мои массивы немного стоят. Что толку в мощных ногах, если не можешь поднять их выше пояса?

Однако выстроенное наново тело еще следовало зарядить рефлексам, по возможности лучшими. Прежде мне вполне хватало боксерской подготовки, подкрепленной двумя-тремя ударами ног, теперь этого довольно разве для торгашей. Хочешь жить – умей вертеться, причем в буквальном смысле. Но вертеться тоже надо с толком, по наработанным методикам. В нашей несчастной стране ничего не умеют делать по-настоящему. На всех уровнях – тяп-ляп, сойдет и так. Даже если от этого зависит жизнь, мало кто выкладывается в полную силу. Но я упрям. И, словно древние китайцы, готов повторять движение тысячи раз, чтобы накатать для него подходящую колею. Не знаю, как другим, а мне за каждый шажок вперед приходится платить галлонами пота и неделями тяжелой работы. Это в кино возможны прорывы: сперва у героя не получается, затем его осеняет или ему объясняют что-то, и сразу дело идет на лад – вплоть до финальной победы.

Говорят, без хорошего тренера бою не выучишься. Наверное, так и было раньше. Ныне же опыт сотен мастеров отнят, изучен, обобщен и реализован в таких комп-пакетах, что конкурировать с учителем-виртуалом вряд ли возможно. Ушли времена закрытых заведений, где приходилось годами молиться на мастера, лишь бы приблизиться к его уровню, – при том, что методики других школ опробовались уже на твоих костях.

Конечно, для учебы требуется оборудование, сложное и дорогое, включающее в себя костюм и шлем для виртуальных спаррингов, а главное, работа-партнера, носителя вражеских клинков – единственных достоверных деталей в эфемерном облике, что создается вокруг него. Оружие тоже специальное. За настоящие мечи лучше не браться без крайней нужды: тут же захочется пустить в ход, а то и испытать на тех, кто подвернется. Не отсюда ль и правило: достал меч – убей. В том смысле, что, пока не решился на убийство, держись от клинка подальше. Не то он сам подтолкнет тебя, точно демон.

Традиционно лучшими бойцами считаются азиаты – с ними я и схватываюсь чаще. Но этих шустриков приходится растягивать до моих габаритов, а соразмерно возрастает скорость. И одолеть подобного рубаку сложнее, чем любого из оригиналов. Одно утешение: удары имитируются тут токовыми разрядами. Хотя и от такого бывает крутенько.

Когда я основательно выдохся, не однажды умывшись потом, а мышцы задубели, отказываясь повиноваться, пришло время стрельбы. Под тир отведен самый нижний зал, широ-

кий и высокий, превращаемый Дворецким в опасный лабиринт, нашпигованный ловушками и сюрпризами, наполненный вражинами. Конечно, почти сплошная голография, но в пылу игры трудно отличить миражи от реалий. А спецкостюм и тут недурно имитировал плюхи, выпадавшие на мою долю, – к счастью, намного их ослабляя. По-видимому, игры эти придумывались субъектами с большой фантазией, вдобавок питавшими застарелую ненависть к человечеству. Зато они приучали игрока ждать подвохов отовсюду и просчитывать ситуацию хотя бы на пару ходов вперед. «Тяжело в ученье», говорят.

И уж после всех этих измывательств над собой, приняв душ и пройдя через массажный агрегат, я смог позволить себе толику развлечений, как и прочее, черпая их в Океане. Каналов тут протекало столько, что нестойкий рассудок мог тронуться, выбирая из такого обилия. Я знал людей, которые проводили перед экраном сутки за сутками, будто зачарованные, забыв про еду и сон, лишь заведенно шелкали клавишами, перескакивая с канала на канал, – и выводить из такого состояния приходилось силой. Для начала и я пробежался по Океанским струям, кое-где притормаживая, чтобы взглядеться.

По одному из федеральных каналов рекламировали душевую: четыре стояка, поверх которых присобачили корыто с дыркой по центру. Оказывается, эта штука «по-русски добротная, которую можно передавать от поколения к поколению»... Дичь! Они что, планируют здешнюю нищету на века?

У немцев предлагала себя красотка с чудовищно раздутыми грудями и пугающим оскалом взамен улыбки. Бр-р-р, лучше смерть! И краше, я полагаю.

Заглянул в спортивный поток. И тут глаза разбегаются – на любой вкус: от конкурса силачей до бильярда. А наши бои без правил, прежде полуподпольные, теперь набирают популярность даже на респектабельном Западе. Этого я не понимаю. Моя зрительская кровожадность не заходит дальше спортивных единоборств или эффектных киношных имитаций. Но смотреть, как соперники увечат друг друга, в месиво разбивают лица!.. Эдак и гладиаторские бои скоро узаконят.

Затем я пробежался по киношным анонсам. Удивительно, но достойных фильмов в мире наперечет, так что следить за новинками не составляет труда. В Океан их сбрасывают еще раньше, чем в театры, но свежачок, на который стоит тратить время, возникает даже не каждую неделю. Пара-то экранов у меня светится постоянно, но чаще я пускаю по ним клипы, вылавливаемые сообразно моим запросам. либо подключаюсь к камерам, установленным в дальних городах.

Сегодня я не стал привередничать и согласился на первый подвернувшийся боевик, как оказалось, вполне способный заменить комедию. В этой ленте собрали, кажется, полный набор проколов, кочующих из фильма в фильм. Были тут и падающие тела, в которых за километр угадывались манекены. И затаившиеся на заднем сиденье злодеи, которых в упор не замечали водители. И ближние перестрелки без всякого проку, будто палили слепые. И десятиграммовые пульки, отбрасывающие человека, точно пудовые снаряды. И прыгающие с высоты герои, явно норовящие грохнуться спиной, но в следующем кадре исправно приземляющиеся на ноги. И свистящие удары, по штуке на секунду. И протяжные стоны рубящихся на мечах, будто вместо боя они занимались невесть чем.

Досмотреть фильм мне не дали. Как и утром, Дворецкий известил о постороннем, вторгшемся на территорию, – прямо нашествие!.. К счастью, я еще не лег, иначе с прищельцем разобрались бы по законам ночного времени.

– И кто не этот раз? – спросил я.

На главном экране образовалась фигура, совершенно неуместная в пустынном парке. Уж она совершенно не скрывалась, брела напролом через кусты и валежник, спотыкаясь и чертыхаясь, рискуя загреметь в невидимый овраг либо и вовсе навернуться с берегового обрыва. На этот раз меня удостоила визитом дама, худошавая, остролицая, белокурая, одетая

в длинное платье на бретельках и с глубокими вырезами. Сквозь ткань просвечивали нательные цепочки, на шее мерцало роскошное ожерелье, на руках золотые браслеты и несколько перстней с ценными камнями, в руках ничего – идеальная добыча для грабителя или насильника. Побережье уже накрыла ночь, по южному черная, и вряд ли женщина различала собственные туфли. Зато я все видел отлично, мог разглядеть каждый листок на кустах. Система «кошачий глаз» в действии – кстати, куда удобней тепловидения.

Конечно, это была Лика. Наученная опытом Инесса уже растворилась в глубинах дома, предоставив мне самому разбираться с гостьей. Действительно, кому нужны скандалы? Уж не мне.

– «Чтобы день начинался и кончался тобой», – пробурчал я словно проклятие, а Дворецкому велел: – Освети-ка ей путь, лучезарный, не то придется по частям собирать.

Впрочем, Лика не в таких переделках бывала, и хоть бы что. Повезло ей на ангела-хранителя – этот тип свое дело знал. Зато и вкалывать ему приходилось вдвое: полагаясь на удачу, Лика совершенно не утруждала мозги.

Над головой гостьи, в густой кроне, вспыхнула лампа. Следом другая – чуть в стороне. Лика не удивилась, не испугалась. Только поправила сбившееся платье, сообразив, видимо, что за ней наблюдают, да взбила затейливую прическу, растрепавшуюся в здешних кустах. И двинулась в указанном направлении, нетвердо ступая по траве. Ведомая огоньками, выбралась на шоссе и скоро достигла дома, войдя в открывшуюся, как по волшебству, дверь. Проществовав сумеречным коридором, Лика поднялась к моему кабинету и нарисовалась в проеме, на удивление эффектная – учитывая, откуда только что выбралась. Вообще, она умела себя подать. И ее наряд, несмотря на скудость деталей, был из дорогих, камушки – неподдельные. Баловал ее муженек.

– Ты вообще думаешь иногда? – спросил я. – А если бы я выставил ловушки?

– Но ведь не выставил же!..

Дескать, проскочила, и слава богу. В следующий раз попробуем минное поле.

– Ты не поддаться, случаем? Ну-ка дыхни!

– Ты не рыцарь, – сказала она. – Ты монах. Отшельник.

– Это и раньше совмещали. Но я не джентльмен – тут ты права.

– И плевать!

Почти не качаясь, вызывающей поступью, Лика прошла к соседнему креслу и расслабилась, закинув ногу на ногу. Гляделось это неплохо, даже в бледном сиянии экранов, – но лучше бы не видеть. Хотя в ее исполнении я уже всякого насмотрелся.

Сама она мало изменилась. Только прибавилось картинок на бледной коже, а на языке я заметил перстенок с жемчужиной. Хорошо, не стала портить ни бровей, ни ноздрей. Но при ходьбе что-то звякало, и в оформлении перебор: перламутровые веки, блестки на скулах, наклеенные ресницы, накладные ногти. А попка до сих пор как у мальчишки, узкая да компактная.

– Дай закурить! – капризно потребовала Лика.

Действительно, для полноты образа ей не хватало сигарки. И этак изящно стряхивать пепел на ковер.

– Не держу.

– Тогда выпить. Бургунского хочу!

– Доставь, – велел я Дворецкому. – Пару бутылок.

Уж лучше довести ее до кондиции. Спровоцировать не удастся, так хоть спать не будет мешать.

– Гарсон! – махнула Лика рукой. – Живо!..

И чуть не сверзилась с кресла – я поймал ее за голое плечо, остановив падение. А может, и бутылки хватит. Кажется, Лика приняла уже неплохой разгон. Бургунского ей – ха!.. И за какие грехи мне это наказание?

Мы и познакомились необычно – в штормовом море. Она, видите ли, решила искупаться при шести баллах, а как возвращаться через прибой, не подумала. Хорошо, по бережку прогуливались люди, и некоторые даже умели прилично плавать – к примеру, я. Вытаскивали ее, помнится, вдвоем, однако я подоспел первым, буксируя детскую лодочку. И как раз меня Лика попросила задержаться, когда публика уже покидала шоу, – может, оттого, что из спасителей я один оказался без подружки. Тогда я не захотел связываться с малолеткой, хотя девчушка смотрелась славно. К слову сказать, в ту нашу встречу на ней даже трусиков не случилось – что называется, товар лицом. Пришлось делиться с Ликой рубахой, к счастью, не последней, и провожать к ее одежде, брошенной на гальку едва не в километре от места, где мы выбрались. А затем доставлять на квартиру зачуханного пьянчуги, у которого Лика снимала комнату. Там обнаружилась симпатичная коечка, но сколь она мягкая, я не стал проверять.

И потом у нас ничего не произошло, хотя поползновения с ее стороны предпринимались. Честно говоря, я не то, чтобы не желал Лику, однако побаивался. Психика у нее шаткая, и что Лика может выкинуть при неосторожном с ней обращении, предсказывать не берусь. Смешно, но она ревновала даже к абстрактным журнальным красоткам, фотками которых я украшал полки, а позднее так же косилась на компьютерные заставки. Одно время Лика пыталась отвадить мою тогдашнюю подружку – любыми способами, вплоть до мордобоя. Возможно, с этой целью она и пристроилась к тайэквандистам. Хотя, скорее, горела отомстить некоему типу, насильно лишившему ее девственности, – о нем я узнал много позже. Как понял из сбивчивого объяснения, дуреха сама спровоцировала ситуацию, попробовав играть не в своей лиге. И все ж тому паскуднику стоило переломать руки!

Против ожидания, с годами Лика научилась сдерживать норы и наконец пристроилась к преуспевающему фирмачу, хотя он был старше ее вдвое. Затем фирмач сделался главой бандитской Семьи, а соответственно подскочил статус Лики. Правда, муженька к тому сроку она возненавидела, но порывать не решалась. Хотя вполне могла бы воспользоваться удобным раскладом, чтоб избавиться от него, оставив себе денежки. Во всяком случае, такой поворот меня бы не удивил – было в ней что-то от нелюбимых мной пауков... точнее от паучих.

Уходила от мужа Лика не впервые и не только ко мне. Наверное, тот действительно ее любил, если терпел подобные выходки. Или же ему было плевать, лишь бы супруга достойно представляла Семью на «фуршетах» – я не вникал. Во всяком случае, в этой борьбе его поддерживала многочисленная родня, тогда как Лика была детдомовкой. Впрочем, ее злости хватало на всех знакомых – исключая почему-то меня да, может, еще одного-двух.

– Ты всегда принимаешь гостей в таком виде? – спросила Лика, оглядывая меня с интересом, и прибавила небрежно: – Чего не звонил?

Что тут скажешь? А ничего!

– Нельзя нарушать традиции, – все ж ответил. – Я привык, что звонишь ты.

Ну, объяснение не хуже других. И Лику оно, видно, устроило.

В этот момент по центру столика распахнулось люк и снизу поднялась платформа с установленными на ней темными бутылками, двумя пузатенькими бокалами, новой коробкой трюфелей и хрустальной вазой, полной миндаля вперемежку с фундуком. Вот так Инесса доставляет мне кормежку, когда я не расположен никого видеть.

– Ого, – радостно воскликнула Лика, – гуляем!

Но разливать вино благоразумно предоставила мне.

– Ну, – спросил я, когда уже открывал коробку, – что наш муж?

– Обьелся груш, – отрезала она. – Не хочу о нем.

– А о сыне?

– Подрастает, паршивец. Все больше напоминает папашу. Уже и он за мною следит!..

– За тобой, пожалуй, уследишь... Ты с какого бала сбежала, Золушка? И на какой тыкве прикатила? Как тебя, болезную, крысы-то не загрызли! Без охраны, без денег... И не надоест искушать судьбу?

– А я водиле сунула перстенок, – пробурчала Лика в зажатый меж ладоней бокал. – Он и рад до усрачки.

Гостья хихикнула.

– А тронуть меня... Разве ж они не знают, кто у меня муженек? Это ты смелый: не выгоняешь.

Небольшими, но частыми глоточками Лика расправилась со своей порцией за секунды. Дамам вино, мужикам конфеты – как и положено.

– Как раз смелый не тронет, – возразил я, подливая в опустевший фужер. – Вот трус расплачивается за свой страх полной мерой.

– Какой ты умный! – фыркнула женщина, снова принимаясь за вино. – А почему не богатый?

Ну да, она-то сравнивает не с Лазером. На таком фоне я и вправду блекну.

– потому что ленивый, – ответил я. – мне и под пальмой комфортно.

И второй бокал она уже приговорила. «Э! – сказали мы с Петром Ивановичем». А малышка, часом, не алкоголичка? Это ж какие темпы!

– А куда девались волосы? – спросила Лика, дотянувшись до моей груди. – Это был паричок, да?

Вообще не люблю, когда меня касаются посторонние, – но и тут у нас давние традиции. Уж так сложилось.

– Я их вывел, – ответил, наливая опять. – Сейчас это просто.

– По всему телу? – ужаснулась Лика.

– Ниже бровей.

– Господи, зачем? Мне так нравятся волосатые мужчины.

– А я предпочитаю античный вариант. Эдакие живые скульптуры.

Она покосилась на статуи, расставленные по углам, – точные копии шедевров, хотя уменьшенные. Античности тут, правда, минимум – все больше Канова, Фальконе... даже Роден.

– Да ты романтик – кто мог подумать!

– Скорее прагматик. В здешнем климате ни к чему утепляться. И забот меньше. Вот тебе не надоело брить подмышки, ноги, промежность?

– А зачем? – с вызовом спросила Лика. – Моему благоверному даже нравится.

Не знаю, как насчет остального, но подмышки у нее в порядке. И попробовала бы она во всем естестве «выехать в свет»!..

– А ему это затем, чтобы тебя, Красная Шапочка, лучше обонять, – пояснил я. – Иначе можно со следа сбиться, когда сбежишь очередной раз. Небось, и под душ загоняет не каждый день?

– По-твоему, я такая свинюха?

– Ну, почему «такая»? Есть и ядренней.

Конечно, гостья не обиделась: слишком давно меня знала.

– А это что? – Лика кивнула на высокую, словно бы гранитную плиту, встроенную в дальнюю стену. – В прошлый раз не было.

Из глубины плиты выплывали, одна за другой, призрачные фигуры, медленно обретали объем и краски, несколько секунд упирались в меня печальным взглядом, то ли вопрошая о чем, то ли призывая, затем снова блекли, растворяясь в сером камне.

– Мой мемориал, – ответил я. – Те, кто уже ушел.

– Господи!.. И ты держишь ЭТО рядом?

– О них надо помнить. Это часть нас. И наш долг им. При жизни редко успеваешь расплатиться.

Потянувшись, Лика промурлыкала:

– Какой ты скучный, право!

И принялась за орехи, словно бы наконец утолила жажду, а теперь можно посмаковать – хорошее вино, разные вкусы. Впрочем, и бутылка уже заканчивалась – хотя я тут ни при чем.

– Скучные живут дольше, – отбредался я.

– Да зачем? Вот я как подумаю, сколько еще мучиться!..

– А ты не мучайся. Живи с удовольствием.

– Счастливо, да? – съязвила она.

– Ну, на счастье мало кому везет. Но это, как говорится, еще не повод.

– Кстати, сколько тебе уже?

– Возраст определяется не прожитыми годами, а оставшимися, – молвил я. – не исключено, я моложе тебя – в этом исчислении.

– Кокетун.

– А много ли твоих сверстников сравнятся со мной?

Лучше бы я этого не говорил.

– Может, ты и нужен мне для улучшения породы, – заявила она. – Вот наплодю маленьких Шатунов!..

– Как насчет непорочного зачатия? – спросил я.

– А если я сама – порочная?

– Тогда я тебя разочарую.

– «Наш дядя самых строгих правил», – нараспев процитировала Лика, дирижируя себе рукой.

– Честных, – поправил я. И повернул на сто восемьдесят: – К тому ж у меня полно болезней, включая фамильные.

– Ври толще, – не поверила она. – У тебя да болезни?!..

– Вот помру, – пригрозил я. – Будете тогда знать.

– Да ты и не болеешь вовсе.

– Скорее всего я загнусь сразу, а не «после тяжелой и продолжительной». Знаешь, как лампочки перегорают?

Лика вдруг оживилась:

– Чего ж ты не в постельке, если такой хилый? Я бы за тобой ухаживала.

Эта, пожалуй, уходит!.. Радикальное средство, не хуже гильотины.

– С какой стати? Я как велосипед: держусь на ногах, пока в движении.

– У велосипеда колеса.

– Все равно.

Она уже освоилась тут, и алкоголь начал действовать... накладываясь на предыдущее. Теперь и позу можно сменить, со светской на интимную. В качестве варианта Лика разлеглась в кресле, уложив затылок на спинку, а ноги забросила мне на колени, словно решила похвалиться узорами на фиолетовых ноготках. Помедлив, я снял с гостьи обувь, сделав босую ножку из нее самой. Ступни-то у Лики недурны – по размеру, по форме. И пяточка тонкая, и подъем хорош. Вот только большой палец слишком доминирует. И о чем это говорит?

– Камина не хватает, – вздохнула Лика, уже без спешки прикладываясь к бокалу. – И шкур на полу.

– Тебе холодно? – удивился я. – Есть и камин, но лучше тогда – ванна.

– Не прикидывайся! Речь об уюте. О домашнем очаге, если угодно. Не думал об этом?

– Об этом, как и о боге, никогда не поздно.

– Дура я, верно? Сразу отпугиваю мужика... Ведь не претендую на много. Согласна на роль подружки.

Ну да, это для начала. А увязнет коготок...

– По-твоему, с подружкой лишь спят?

– Еще трахаются, – тотчас прибавила Лика. – не отвертись! А станешь сачковать – изнасилую. Знаешь, сколько мне надо?

– А что же Носач, не справляется?

Впрочем, не мое это дело – вырвалось, прошу прощения. Но Лика не стала отвечать.

– Отлыниваешь? – спросила она. – Опять!.. Ты так уверен, что мы не притремся?

Еще бы! – чуть не брякнул я. Уж в чем-чем...

– У нас куча несовместимостей, – принялся я перечислять, – гастрономическая, температурная, режимная... Мало?

Вообще, даже удивительно. Если меня интересовало что-то, все равно в какой сфере, можно не сомневаться, что ей это не понравится. И с чего тогда Лику влекло ко мне – по закону дополнения?

– И мои приятели тебе не по нутру, – добавил я. – К примеру, Гай.

– А чего ты якшаешься с шантрапой? – сейчас же взбрыкнулась Лика. – Послал бы куда подальше!

Вот этим она отличается от Инессы, и поэтому нам не ужиться. То есть и поэтому тоже.

– Когда мне потребуется совет, я обращусь к тебе, ладно?

– Фу, какой злой!

– Мы ж теперича знатюю заделались – не подступись!.. А давно ли по чужим углам слонялась?

– Значит, недешево сто#ю, раз взлетела!

– Ну да, задорого продана. Что ж мечешься теперь? Или угодила в графья по недоразумению?

Напрасно я говорил это и вообще, зря завелся. Впрочем, Лика лишь пнула меня пяткой, требуя сменить тему, а я не из тех, кто упорствует в ошибках.

– Ты подливай, подливай – не жматься! – велела гостя. – И помассируй мне ножки – чего зря сидеть?

Все-таки я угадал с ее нормой. К середине второй бутылки подол платья уже дополз до основания стройных ног, а бретельки соскользнули с узких плеч, раздвинув декольте до сосков. Грудки у Лики небольшие, но и на такие полно любителей. Наверно, мужу тоже нравится, иначе накачал бы их силиконом.

– А все же, что стряслось на этот раз? – спросил я. – Отчего такой драп?

– Драп – это материя такая, – сообщила она. – Тяжелая и плотная, для пальто. А я легкая и прозрачная.

– Как мотылек, – поддержал я. – И каким ветром занесло на наш огонь?

– Ураганным. Этот козел совсем сбрендил!

Козлами Лика величала едва не всех, но в данном случае имелся в виду дражайший супруг.

– И что с ним?

– Новые друзья, видишь ли. С Аскольдом раздружился, Калиду полюбил. Такое изысканное общество – урод на уроде!

Вот это действительно – новость. Носач не из тех, кто дружит для души, и бо#льшую выгоду менять на меньшую не станет даже из глубокой симпатии.

– Устроили вечеринку на заводе, – прибавила Лика. – Нормальненько, да?

– На каком еще заводе?

– На брошенном. И такое принялись вытворять!.. На первое – дичь с кровью.

Лику передернуло, а уж чтобы ее пробрало... Хлебом не корми, поддай остренького.

– Ведь так хотела выбраться из этой дыры! Настолько обрыдло здесь...

– Да? – удивился я. – а мне тут самое место.

– Аскольдик-то далеко пойдет, – не слушая, изливалась Лика – ее прорвало наконец. –

Он на столицу нацелился – сам говорил. Может, и нас прихватил бы.

– Тебя – так точно. ч то ему делать там без вас, любимых?

Викинг и тут отметил, надо же! Ясное дело, партнеров следует узнавать ближе. А уж кто тут и на кого охотится, мне не расчухать.

– Столица, господи!.. Там ведь все лучшее, правда?

– Музеи, – подтвердил я. – Театры, выставки, филармонии...

Лика смотрела на меня непонимающе.

– Клубы, презентации, фуршеты...

Это она поняла. Ну, слава богу.

– Представляешь, – поведала гостя, – Носач до сих пор, чтоб поиметь меня, выключает свет. То ли жены стыдится, то ли себя.

Стыд у него, ишь! Лучше бы на другое расходовал.

А вслух, сказал:

– Фу, где твое достоинство? Обсуждать такие детали на стороне!

Впрочем, это тоже цитата, хотя неточная.

– Но ты же не мой любовник? – возразила Лика.

– Так ведь и не исповедник?

– А что, там и в это влезают? – заинтересовалась она.

– Вообще я имел в виду психотерапевтов, – поправился я. – В столице они сейчас нарасхват. На них и сливают помои тамошние элитчицы. Очень, знаешь ли, способствует поднятию тонуса.

Развезло Лику вдруг и сразу, будто завод кончился.

– Хочу пи-пи, – объявила она, ерзая, – И вообще пора бай-бай.

– А кря-кря не требуется? – проворчал я. – Птичка моя.

Придерживая за плечи, повел гостью в ванную. Веки у нее слипались, но прочее не дремало. Хихикая и бормоча, Лика льнула ко мне, якобы пытаясь ухватиться, но цеплялась явно не за те места. Ручки у нее и прежде были шаловливыми, даже в девичестве. А ноги словно бы пытались сплестись с моими.

– А почему у тебя две зубные щетки? – агрессивно спросила Лика, приоткрыв один глаз.

– Так у меня и осталось два зуба, – нашелся я. – Старый я, понимаешь, зажился... Вот на каждый – по щетке.

Конечно, насчет зубов я приврал: всё недостающее давно вставил. Так ведь ложь не всерьез, к тому ж и во благо... вроде бы.

– Кудряво живешь! – прыснула гостя, и вопрос был закрыт.

Но теперь ей предстояло раздеться. Такое платье трудно снимать самой – Лика и не собиралась, предоставив инициативу мне. Моим рукам она подчинялась с покорностью ребенка и, конечно, совершенно меня не стеснялась, даже не постыдилась присесть на унитаз в моем присутствии, лишь только осталась голой. (Полторы бутылки, ну еще бы!)

Перстни, сережки, цепочки – всю эту мишуру, пусть и драгоценную, я тоже с Лики поснимал, аккуратно сложив подле зеркала.

Валандаться с ванной не стал – вскинув на руки, поставил Лику под теплый душ. Сам пристроился рядом и наскоро прошелся мочалкой по обоим. Обхаживал Лику я не первый раз, и вместе с новизной процедура утратила эротизм – ну не совсем, конечно. Зато эстетика оставалась. Все-таки формы у Лики на уровне, недаром пользуются таким спросом.

Покончив с омовением, завернул Лику в простынь и отнес в ближнюю спальню, где незримой благожелательницей уже была расстелена постель. По прежним визитам я знал, что оставлять эту гостью одной не стоит, иначе не оберешься хлопот. И все равно же Лика меня разыщет – эдакий голозадый призрак, бредущий на автопилоте. Спать в одиночестве она ненавидела.

Да, но вот спать с ней – занятие не из легких. Стоит расслабиться, пустить себя по течению, и последствия могут оказаться тяжкие. Меня умиляют хилые американцы, которые торжествуя орут, умудрившись обрюхатить своих женушек: «Yes!.. We made this!» У нас-то главная забота, чтобы не подзалететь. А с Ликой следует стеречься втройне – все-таки охотница на крупную дичь, своего не упустит. Если уж вступил, изволь платить. И час расплаты может затянуться на всю жизнь. Нафиг-нафиг такие саночки.

И спальня еще та. Небольшая, метров на шестнадцать, но из-за обилия зеркал кажется огромной. А половину площади занимает кровать, широченная, с роскошно оформленным изголовьем, над которой, прямо в потолок, тоже встроено зеркало. (И где ж я такое подсмотрел?) Сбоку кровати установлена ванна – чтобы не бегать далеко, если захочется разнообразия. На полу ворс по щиколотку, в котором можно кувыряться, точно в траве. Готовилось это под определенную гостью, но после нее кто только не побывал тут – включая тех, кого не звали. Я уж и не рад, что затеял это гнездышко.

Но пока страшного не происходило. К боку прижималось, даже слегка липло, упревая мое жару, прохладное тело, а меж голеней уже устраивался кошарик, совершенно не заботясь, что его могут раздавить неловким движением. Перебрав в уме с десяток вариантов, я окрестил кроху собачьим именем Пират. И правда, разбойник из него обещал вырасти редкостный, к тому же воспитывал котенка пес. (Воспитывал ли? Черт этого Хана поймет.) Кстати, и тот разлегся неподалеку. Конечно, в спальню вваливаться не стал, деликатно расположился за порогом, вырисовываясь в сумраке серой грудой.

Лика давно посапывала, запрокинув лицо и приоткрыв рот, в ногах ритмично стрекотал котенок, точно крохотный трактор, а ко мне сон не шел. Слишком длинный день, слишком много впечатлений – за иной месяц столько не набегает. Чтобы заснуть, я принялся вспоминать последний сон, рассчитывая на продолжение, но по-настоящему отключиться не получилось. Ни то, ни се – завис между грезами и явью.

Затем напротив изголовья будто распахнулось окно в иной мир, точнее сказать, в море, хотя вода, к счастью, в спальню не хлынула, – и я не сразу разобрал, видение это или реальность. Потом сообразил, что включился дисплей, укрытый за одним из здешних зеркал, и понял, от какого «глазка» поступила картинка. Сам же и настроил его на автоматическое срабатывание и экстренную связь. А установил наблюдателя на входе в свое запасное убежище.

Там была темень, и даже в инфрасвете контуры ближних скал различались с трудом. Но создание, промелькнувшее через экран струящейся вспышкой, прямо пылало жаром. Кажется, моя фантазия обернулась реальностью: существо впрямь смахивало на девицу – если бы не глаза на пол-лица и не плавники, окаймлявшие его ниже плеч, точно камбалу. И не запредельная гибкость тела, более подобающая змее. По нему будто волны пробегали, каждый мускул участвовал в движении, а скорость была феноменальной. Вся запись уместилась в доли секунды, хотя проплыть ему требовалось метров пять. Это же сколько выходит?

И еще странность: направлялось-то существо из пещеры. Или «глазок» не сработал в первый раз, когда оно вплывало туда, или я проглядел чужака при обыске. И какой из вариантов более невероятен?

Дотянувшись до пульта, я стал прокручивать запись кадр за кадром, с пристрастием вглядываясь в каждый. Формы существа, насколько позволяла судить такая съемка, вполне могли принадлежать той, которая запечатлелась на моем пляжике, только их словно бы сглаживала дополнительная кожа, похожая, как и у дельфина, на гладкую резину. Сквозь нее, однако, явственно проступали все сочленения, положенные человеческому скелету, так что превращение, если и случилось, не затронуло костей. Конечно, проще счесть эту шкуру скафандром невиданной модификации, но это не объясняет мощь существа. Под такой тугой оболочкой не укроешь мышечные усилители, батареи, приборы – всё там несомненно свое, натуральное.

Может, вправду из водной бездны к нам явилось нечто? Сжирающее плоть, не повреждая шкуры, способное к метаморфозам, запредельно могучее. А теперь пытается вступить в контакт с человечеством, оставляя на песке свои отпечатки. Весьма соблазнительные, надо признать, – знает, чем привлечь возможных контактеров. И что надо было сделать в ответ: оставить собственный слепок?

Парень, да ты маньяк! – сказал я себе. Лежишь в обнимку с дамочкой, выпрыгнувшей из платья и побрякушек прямо в твою постель, неподалеку дрыхнет еще одна, тоже, наверно, готовая на все... причем обе достойны самого пристального внимания... а ты в подводном страшилище пытаешься углядеть красотку. Да и что можно понять по нескольким смазанным кадрам?

Однако в свете последних данных сей эпизод обретает зловещий оттенок. Словно бы материализовалась одна из древних легенд. Как бы наше побережье вновь не стали именовать «проклятым»! И в чем тут дело? Здешняя ли среда изменилась настолько, что привлекает всякие диковины, некоторые ли из людей уже превращаются в оборотней. (То-то мне показалось, будто и мой Зверь последнее время оживился.) Или тут и вовсе нашествие? Откуда – из морских глубин, из космоса... из преисподней?

Но тут мои размышления прервали, позвонив по «главарьской» линии. Усаживаясь перед экраном, я уже представлял, кого увижу, – как раз его и недоставало для полного комплекта. Это впрямь оказался Носач, не к ночи помянутый муженек сегодняшней гостьи. Он был почти так же узкоплеч и остролиц, как Лика, но в остальном ее «дополнял»: крупные черты, громадный рост, тяжелые конечности с широченными лапами, черный ежик над разросшимся за десятилетия лбом, щеки, отливающие синевой. А вот малец их больше походил на мать: кудрявый, белокурый, смазливенький. Папаша в нем души не чаял, потому, верно, и прощал Лике столько.

– Моя, конечно, у тебя? – спросил главарь без предисловий, словно бы Лика ночевала тут через день. – Ничего не растеряла по дороге?

Все-таки за ней проследили – во всяком случае, до моего забора. А вот пресекать указаний не было.

– Перстенок, кажись, – пожал я плечами. – Не переживай, что поступило ко мне, верну по списку.

– В целостности, да? – ухватился Носач. – Слово даешь?

– Чужого мне не надо. И лишнего не добавлю.

– Ну гляди, слово не воробей...

Доверяет он мне! А что ему остается?

– Тоже стреляешь влет? – любопытствовал я. – Снайперов развелось!.. Больше, чем птичек.

И разве дело во мне? Ну, не со мной, так с другими – было б желание... насолить, скажем так. Или Носачу действительно плевать?

– Так я пришлю машину, – то ли сообщил, то ли спросил главарь. – С утреца, да?

Эк нам отводят! Но к утру Лика действительно перекипит, ее мятежи долго не длятся. Попросит, попросит бури – да уgomонится. И снова станет клевать с хозяйской ладони.

– Хоть две, – ответил я.

Про его новых друзей спрашивать, понятно, не стал. Осведомителей не выдаю – таков закон.

– Ну, покойненькой вам ночи, голуби, – Носач отключился, вновь погрузив спальню в безмолвие.

Уместное пожелание, особенно от мужа. Жаль, жаль, что я не любовник!..

Однако место, пригретое рядом с чужой женой, занял не без злорадства. И вот теперь я заснул почти сразу, словно бы сработало пожелание Носача. Или это было заклинанием?

Часть 2. Железная дева

Глава 4

Как и обещал Носач, с рассвета у ворот моей ограды ждал лимузин, длинный и приземистый, с затененными окнами. А Лика, как обычно, весь бунтарский заряд растратила ночью и, отоспавшись, сделалась задумчивой да покладистой. Молча приняла душ, на сей раз управившись сама, молча, хотя с видимым удовольствием, позавтракала вместе со мной, скромно сомкнув колени. Затем снова втиснулась в свое платье, точно змея в старую шкурку, и без возражений покинула дом.

От моего транспорта Лика отказалась, решив прогуляться по утренней свежести, а я провожать гостью не пошел – нечего мозолить глаза посторонним. Чтобы соблюсти приличия, отправил Хана. Выпроваживал-то гостей он всегда охотнее, чем встречал, – мое воспитание. Кстати, рядом с хрупкой женщиной пес смотрелся впечатляюще. Бежал он впереди Лики, изредка оглядываясь. А дождавшись, пока ее поглотит машина, сразу заспешил обратно, к оставшемуся без его пригляда Пирату.

И меня уже поджидали дела. Сперва отправился в тайный чуланчик, забитый снаряжением под потолок, где упаковался по категории Б – то есть максимум возможного, если не хочешь высвечиваться. Из огнестрелов ограничился «гюрзой» – кстати, грозная штукавина, на средней дистанции мало уступающая карабину. Прихватил пару увесистых, однако не длинных мечей, вполне уместившихся в набедренных ножнах и надежно укрытых просторными штанинами – разве что ноги казались толще. Тонкостенный, напшигованный приборами шлем, облежавший мою голову будто второй череп, неплохо маскировался лохматым париком, стянутым узорной лентой с бляхой по центру лба. К шлему прилагались очки, на вид обычные, но вкупе с затылочным «глазком» обеспечивавшие круговой обзор. И сама бляха была цифровой камерой, непрерывно транслирующей изображение – сперва в бортокомп, затем Дворецкому, для записи и последующего анализа. (Пламенный привет от Руматы Эсторского!) А легкие пластиковые доспехи, едва приметные под одеждой, состояли из нагрудного панциря, решетчатых поножей и поручей со сплошными фронтальными щитками, сапог до середины голени и тонких полуперчаток. За этим добром я специально мотался в столицу и даже снабдил комплектами нескольких главарей. Таким латам не страшны ни осколки, ни пули, кроме кумулятивных, а лучшие клинки оставляют лишь царапины. Впрочем, скафандры, что я заказал через Аскольда, и вовсе напоминают космические: полная изоляция от среды, внутренний микроклимат, мышечные усилители. До недавнего времени средства агрессии настолько превосходили защиту, что латы почти вышли из обращения. Но теперь, с появлением сверхпрочных материалов, шансы опять выровнялись. Впрочем, на подходе ручные лазеры и плазменные ружья. И что устоит против них – пресловутые «защитные поля»?

С двумя полными сумками спустился в гараж и загрузился в один из трех своих колесников: не самый скоростной, не самый броневой – как раз посередине. Звался он «болид», хотя на своих гоночных тезок походил мало. Крутарские машины нынче напоминают истребители-перехватчики. Таранные бамперы, броневые стекла и корпус, выдвижной пулемет по центру носа стали нормой; некоторые добавляют гранатометы по бокам и тыловую пушку. Двигатель помещается сзади – для надежности. А по недавней моде, заимствованной у Бэтмена или еще у кого, мой «болид» снабдили реактивным мотором. И хотя на наших дорогах особо не полетаешь, разгонялся он с бешеным ускорением. И кресла, как в космолете, – с такими креплениями, амортизацией, наклоном, что позволяли пережить даже лобовое столк-

новение. Конечно, своим машинкам, «рожденным ползать», я предпочел бы турбореактивный универсал, недавно проклюнувшийся в Океане, даже предпринял шаги в этом направлении – к примеру, заинтриговал Аскольда, вывел на производителя. Но пока их сюда доставят!

Ворота гаража разъехались, открыв впереди сияющую голубизну, словно бы распахнулись в небо. Из подвала я плавно взмыл на узкую дорожку, извивающуюся вдоль ручья. Торжественный выезд отшельника из берлоги – событие чрезвычайное. Во всяком случае, редкое.

Сейчас же очнулся и замигал индикаторами бортокомп, вступая в неслышный диалог с Дворецким. Теперь связь не прервется до моего возвращения – тем более, я не поленился установить антенну на вершине ближней горы. В случае чего Дворецкий не постесняется меня вызвать, но до этого пока не доходило. А вот я обращался к нему частенько – за сведениями либо консультацией.

Теперь жарило крепко: не меньше сорока в тени. На небе ни облачка, ветер отсутствовал вовсе – и слава богу, от него только хуже. В такие дни лучше не вылезать из морской глубины, меняя баллон за баллоном, но и в своем холодильнике на колесах, затенив окна, я ощущал себя комфортно. Миновав ограду и проехав по коротенькому шоссе, я вырулил на шестиполосную магистраль, еще сохранявшую былое величие. Но транспорта по ней катило куда меньше, чем в прежние времена, и почти сплошь то были фуры, забитые под завязку. Машины в большинстве старые, однако модернизированные в духе времени: борта усилены бронешитами, спереди наварены решетки из рельс. А в каждой кабине припасен огнестрел, если не два. Остановить такую махину сложно. К тому ж гильдия дальнбойщиков славится взаимовыручкой. И покровительство Аскольда стоит немало: кто захочет связываться с его Семьей?

Я отыскал на кишачем станциях УКВ-шном диапазоне мелодийку поприятней и только затем прибавил скорость. Магистраль плавно изгибалась по-над берегом, а между ними, за полосой непролазных кустов, скоро возникла высоченная стена с надстроенным поверх нее проволочным забором. Что творится за стеной, с магистрали не углядишь – тем более, сразу за оградой высятся кипарисы, посаженные в несколько рядов. А через редкие ворота, больше похожие на крепостные, без приглашения не пропустят даже копов. Охрану тут организовали на совесть, как в образцовом лагере, – кстати, привлекали вохровцев для консультаций. А дело в том, что все прилегающее к городу побережье занято под коттеджи новых богатеев, более или менее уживающихся друг с другом. Разумеется, меж участками они тоже настроили оград и всячески стереглись соседских подлостей, но настоящие разборки устраивали редко – своеобразное «водяное перемирие».

По другую сторону магистрали, выше по склону, уступами поднимались делянки земледелов. Эти тоже заслонились от дороги стеной, хотя не такой внушительной, и чужаков отпугивали всеми способами. За свое кровное пахари рвали глотку любому, а беспредельщиков, время от времени наведывавшихся сюда, лупили смертным боем, смыкаясь в немалые отряды. Многие вели хозяйства родовыми общинами, у некоторых и семьи разрослись настолько, что вполне заменяли клан. Общая кровь сплачивала земледелов не хуже, чем сицилийских мафиози, – даже крутари избегали задевать их обозы, приезжавшие на городские рынки. И слава богу, что губернские власти оставили село в покое, – без их опеки защищать себя стало легче.

Еще выше и глубже в скалы, где почва уже не так плодородна, издавна селились муселы. В горах жизнь не сахар, зато и добратся туда трудно – вытворай, что захочешь. Вот муселы и вытворяли, под шумок возродив рабовладение. Поначалу захватывали туристов, кто глупей (умные в горы не сунутся), а потом и вовсе принялись красть подряд, даже из городов. И прежняя профессия возродилась – торговля живым товаром.

Как-то я расстрелял мотор дальнего катера, через подзорник углядев на палубе связанных людей. Пришлось истратить ракетку с лазерной наводкой, а потом несколько минут держать на прицеле главаря работоторговцев – пока они темпераментно решали: то ли шустрее сбегать на моторке, то ль утопить добычу и попытаться выдать себя за рыбарей. К счастью, возобладал если не гуманизм, то благоразумие, и они поспешили убратся из зоны обстрела, бросив суденышко на произвол стихий. А уж я затем догнал его на своем катамаране, отбуксировав к берегу.

Пару раз и ко мне подкатывали абреки. Ну как же, дом на отшибе, охраны не видать – такой заманчивый кус!.. Чем они думали, интересно? Надеюсь, надолго запомнят свои визиты и детям закажут.

До города оставалось уже немного, когда, обогнув очередной выступ горы, я увидел пролом в дорожной ограде, будто кто-то из ехавших впереди не справился с управлением. Это ж как надо боднуть, чтобы прошибить такую стенку!.. Невесть откуда успела набежать публика, сгрудившись возле обрыва. А вот машин затормозило немного, словно бы у водил хватало своих забот.

Выбравшись из «болида», я протолкался к обочине. Разбитое авто валялось метрах в двадцати ниже по склону, рухнув крышей на приземистые деревца. Судя по всему, она спикировала туда, пробив ограждение на немалой скорости, будто водитель даже не пытался тормозить. А если прикинуть число ротозеев, произошло это не меньше получаса назад. Однако спуститься к машине не удосужился ни один. Вряд ли опасались взрыва – это в кино не бывает крушений без пламени, – просто всем плевать. Мне, в общем, тоже, но есть же правила!

Перемахнув заборчик, я встал снаружи, примериваясь, куда прыгнуть. И тут кто-то ухватил меня за рукав: дескать, не порти шоу, паря, а вдруг все ж полыхнет? Не глядя, я крутанул рукой назад, поймав наглеца в болевой захват. Однако суставы крушить не стал: он ведь не нападал, – просто отпихнул прочь, подальше в толпу. И даже на лицо не взглянул – зачем?

Сбежав по крутому склону, я продрался через заросли к машине, сквозь разбитое окно заглянул внутрь. Водила оказался один – совсем еще молодой парень, довольно смазливый, шикарно выряженный. Обмякнув на ремнях, он висел вниз головой. Лицо окровавлено, хотя повреждений не видно, а кровь натекла скорее всего с груди. Она и сейчас сочилась из раны – едва-едва. Правая рука сжимала рацию, будто он говорил с кем-то в момент аварии либо пытался звонить уже потом. Кривые упругие стволы смягчили удар, иначе бы крыша вмялась в сиденья, – но водителя это не спасло. Возможно, после падения он еще жил некоторое время, но в такой позе и здоровый долго не продержится.

Сжав челюсти, я оглянулся на сосредоточенные лица, палившие сверху. Ишь, вурдалаки! Им что, телеужасов не хватает?.. Кстати, надо уматывать отсюда, пока на душок не слетелись репортеры. Обычно-то они попроворнее копов. Работа у них, вишь, такая, как у навозных мух. А в роли дерьма на сей раз выступаю и я – скромный герой, попевший к шапочному разбору.

Оставив мертвеца, я вскарабкался по осыпающемуся обрыву к дороге – никто даже не дернулся мне помочь – и вторично пронизал толпу, по-моему, еще разросшуюся. Загрузился в «болид», зло рванул с места, вдавливая себя в кресло. Та-ак, недурственно для начала. Не успел въехать в город, а уже столкнулся с первым убитым. Мальчонку ведь спровадили на тот свет! И кому он мешал настолько? Прикид-то у него богатый, и машинки такие в городе наперечет. Хорошо хоть, номера еще не вышли из обращения.

Через бортокомп я послал запрос Дворецкому и в ту же минуту получил ответ, невольно присвистнув: вот так-так!.. Тут были и фото, подтвердившие мои подозрения. И причина убийства нарисовалась: опасное родство. Папаша-то – из самых крутых. До

Аскольда, правда, не дотягивает, однако и Семья, что под ним, имеет в губернии большой вес. А спайка в его разросшемся клане попрочней, чем у любого братства.

Неохотно я набрал номер, произнес в микрофон:

– Сипай? Плохие новости. Передай Грабарю, что его меньшей разбился на седьмом километре магистрали.

– Насмерть? – прохрипели на том конце.

– Именно. Хотя, может, не сразу.

– Считаешь, случай?

– Похоже, заказ. У парня пробита грудь, в ветровике дырка.

– Снайпер, что ль?

– Откуда мне знать? Что видел, то говорю. А пулю ищите сами. И поспешите, пока не наехали копы!

– Принято. – Сипай вздохнул: – Мало старому проблем... А ты хитрый! Чего ж не позвонил напрямую?

– Нервы берегу. Мое дело: прокукарекать.

– Хитрый! – повторил он. – Ну, бывай.

Насколько знаю, парнишка в общем-то безобидный... был. Ну, разве иной раз сдернет с тротуара приглянувшуюся деваху – так сейчас это грех невеликий. Во всяком случае, шума никто не поднимал... Тогда за что? Впрочем, не мое дело.

Ближе к окраине машин прибавилось. Сам-то город невелик, однако уютен, а в прежние времена был сравнительно тих. Пока крутари не завладели здешним портом и не наладили выгодные связи с кем только можно, от западников до федералов. А потом и Алмазин, неизвестно с чего, перетащил сюда Двор, **приведя** с собой толпу чинуш, копов, сторожевиков, притягивая и привечая самую пеструю публику, вплоть до улыбчивых товарищей из КНДР. И образовался такой котел!..

Чем дальше, тем сильнее деформировался дорожный асфальт, нередко проваливаясь до земли. Окраинные дома и прежде не блистали, а сейчас пришли в полное запустение, лишившись хозяев. Как обычно на юге, многие кварталы тут смахивали на село, и вдоль шоссе тянулись глиняные заборчики вперемежку с белёными стенами одноэтажек, поблескивающих мутными окнами. Зелени хватало по обе стороны заборов – в этих широтах любят тень.

Сбавив скорость, я вырулил на крайнюю полосу и приоткрыл правое оконце, впуская здешние ароматы. А вместе с ними в кабину проник наружный воздух, окатив меня сухим жаром. Зато опасности не ощущалось. Где-то за дворами самозабвенно тьякала шавка, будто заведенная. Под одним из заборов я заметил кошку, облезлую и бесхвостую, крадущуюся по своим делам. В куче старого мусора копался угрюмый боров, брезгливо расшвыривая куски. Чуть погодя увидел и людей. На скамеечке, рядом с калиткой, расположилась аккуратная старушка и приветливо щебетала сама с собой, время от времени заливаясь счастливым смехом. Потом на дорогу выбежал замызганный оборванец и злобно погрозил кулаком вслед моей машине. Развелось, понимаешь, психов!..

Но вообще здесь было пусто. Многие растерялись, неожиданно очутившись в Приграничье, и постарались убраться поглубже в страну. Раньше-то из-за каждого забора брехала собака, а вдоль дороги кормилась живность, от коз до гусей, – но теперь одичавшие слобожане слопали всех, кого сумели изловить. Даже голубей, похоже, приговорили, и только неудобоваримые воро#ны нахально каркали из тенистых крон. По-моему, их стало тут еще больше, словно бы и в этой экологической нише произошла смена состава. Выживает сильнейший, да? Всё, как у нас.

Затем пошли обжитые кварталы, хотя унылые и тусклые, где обитал «народ», подчиненный Двору. По улицам тут слонялись немногие – самый разгар рабочего дня, да и жарко, –

однако в тенистых площадях-парках слонялись или дремали, точно в тихих заводах, «лишние люди», выброшенные на обочину жизни. Пока их скапливалось не много, но в прошлом году было куда меньше. А что станет в следующем?

Потом, ближе к центру, стали возникать нарядные строения, иногда целыми гроздьями, — словно бы здешние дома, как и люди, все сильнее разнились благополучием. В этих местах асфальт сиял свежестью, а народу крутилось больше. И тут еще не главные стремнины, просто пересеклись несколько губернских потоков, от поднимающихся торговых **империй** до обустривающихся губернских структур. И городские власти, во главе со старым и искушенным в аппаратных сражениях мэром, еще удерживали оборону, несмотря на засилье Двора. Почему-то Алмазин не спешил их задавить — может, не хотел на свою голову лишних забот. У муниципалов даже своя полиция оставалась, хотя губернские копы явно преобладали.

Миновав суетливый центр, насыщенный учреждениями, торгпредствами, даже немногими пока посольствами, я въехал в район, населенный совсем иной публикой, вполне приносившейся к новым условиям. В этих кварталах обычно тихо. Тут не осталось брехливых шавок, самозабвенно твякающих у подъездов, и трескучих мопедов, на которых дурковатые подростки оглашали спящие улицы, и мощных динамиков, гремящих с подоконников, — их попросту расстреляли вооруженные ревнители безмолвия, иногда прямо из квартир. Но могли пальнуть и в окно за слишком позднюю или шумную гулянку. А зычные дворники, с раннего утра перекликавшиеся через улицы, сгинули как класс либо затаились. Тут не любили старых авто, взреывающих, дребезжащих, воняющих. И даже дети опасались слишком горланить перед домами. Мало ли у кого могут сдать нервы — а ну как швырнет гранату? Вольница!

Тут жили сытно, но опасно — за всё своя плата. На здешних стремнинах легко дышится, однако любой промах чреват гибелью. И рассчитывать приходится больше на себя, в особенности мне, одиночке без-Семейному. И потому еще на подходе к Вольным Кварталам я стал настраивать себя на круговую оборону, рассеивая внимание во все стороны. Я от рождения неплохо «вижу поле», однако специально раскопал в Океане способ довести это свое дарование до почти мистической чуткости. Чем не раз удивлял ухарей, пытавшихся застать меня врасплох.

Городская база Аскольдовой Семьи помещалась в домине, высившемся недалеко от гавани, так что с верхних этажей можно было приглядывать за портом. По местным меркам здание могло сойти за небоскреб: двадцать два этажа как-никак. Это не считая пентхауса на крыше, где располагался офис главаря. Громадой этой Аскольд обзавелся по случаю, и поначалу большинство помещений пустовало. Но мало-помалу комнаты оживали, заполняясь мебелью, оборудованием, служащими. А на нескольких этажах даже устроили гостиницу для федеральных и зарубежных партнеров, все чаще наведывавшихся сюда. Дом стал верхушкой айсберга, которую Аскольд намеревался предъявить властям, чтобы сойти за респектабельного. Хотя и тут, насколько я знал, многие дела не афишировались.

На въезде в подземный гараж я, опустив стекло, приставил ладонь к контрольному сканеру, выставленному вблизи дорожки. А из постовой будки меня прощупали взглядами двое сторожевиков, прежде чем пропустить. Гараж был просторный, на весь подвал, однако машины стояли густо, причем в большинстве броневые, раскрашенные в цвета Семьи, — значит, и братков наехало немало. То ли подвалила срочная работенка, то ли Аскольд решил подстраховаться. Уж не вызревает ли в городе новый передел? Похоже, главарь не все говорит мне... что, в общем, не удивительно.

Отсюда, из гаража, лифт не ходил. Чтобы попасть наверх, следовало сперва прогуляться пешком по двум нижним этажам, залитых уютным светом. В оборудованных закутках поджидали посетителей приветливые милашки, готовые направить по нужному адресу, а

вокруг слонялись вооруженные братки – это не считая обычной охраны. Через такой заслон чужаку пробраться сложно. Но меня тут знали многие, некоторые даже приветствовали, молча вскидывая руку. Особый шик заключался в синхронности движений – это как бы подтверждало равенство.

К слову сказать, кое-кого из здешних знакомцев мне пришлось в свое время поколотить, чтоб «уважать себя заставить». Средство оказалось действенным: битые едва не полюбили меня и нахваливали перед приятелями куда больше, чем я заслуживал. Да ради бога – лишь бы другие не вязались! Впрочем, в этом здании можно не опасаться наездов. Всеми способами Аскольд поддерживал в Семье дисциплину и препятствовал стычкам среди своих. Тем более возбранялось задевать гостей.

В шикарной приемной Аскольда меня встретили две близняшки-метиски, Мила и Тина, улыбочные, ухоженные, нарядные, точно куколочки. Они и выглядели спортивно, несмотря на изящные пропорции, а вдобавок были выдрессированы на диво. Так что могли ошеломить даже серьезного бойца, не зная тот об этом сюрпризе. Их преданность шефу подкреплялась почти родственными с ним отношениями, а ревность исключалась собственной близостью. К тому же главарь никогда не скардничал с подружками – чтобы их не перекупили на стороне.

С десяток минут мне пришлось обождать – как же без этого? Но в такую игру мы играли не первый раз, и Аскольд знал, что более четверти часа терпеть не стану, если только он сам не выйдет и не объяснит задержку. И после недолгой трепотни с двойняшками (паршивки и на сей раз не сболтнули лишнего) меня допустили в кабинет.

Обстановка тут была на зависть, хотя без излишеств. Сквозь закрытые жалюзи проникал бледный свет. На столе, за которым устроился главарь, рядом с широким монитором, приткнулся поднос с пузатой бутылкой, парой хрустальных рюмок и неизменными солеными орешками. В сторонке, у стены, притулился полированный шкаф, где даже имелась полка с книгами, в основном даренными. Насколько я знал, любимыми томами Аскольда, которые он иногда перечитывал, были «Наполеон» Рабле и романы Ильфа-Петрова, связанные общим героем. Одна книга о прославленном властолюбце, впрочем неважно кончившем, вторая об обаятельном мошеннике, мечтавшем о легкой наживе, но от всего богатства сохранившем только орден Золотого Руна. Интересно, Аскольда не настораживает такое совпадение финалов?

Как и обычно, главарь был при полном параде, только мундир пока сбросил на спинку кресла.

– За скафандром пришел? – спросил он со всегдашней своей прохладной ухмылкой. – Тут такое дело, Шатун: накладочка вышла.

– То есть?

До сих пор Аскольд меня не подводил – по крайней мере, в делах.

– Я уж отправил его к тебе – катером. Не думал, что ты выберешься до обеда.

– По-моему, мы договаривались иначе. Или забыл?

– Ну извини, промахнулся, – не стал оспаривать он. – Какой наложишь штраф?

– «Стрекозу» тоже услал?

– Естественно.

– Тогда реквизирую вторую, – решил я.

– На время расследования, да?

– Если выживет.

Аскольд хмыкнул. Ему не жаль было «стрекозы», но поторговаться – святое дело. Так и сколотил капиталец: зернышко к зернышку. Зато теперь может клевать их, пока не опустится сам собой с двадцать третьего этажа на первый. Эдакий амбарище!.. Хотя, если прорвет где, таким потоком главаря может вынести на улицу и дальше – до ближнего оврага.

– Что-нибудь прояснилось? – полубопытствовал он. – Наверняка ж ты поплавал вчера по Океану.

Общаться со мной Аскольд предпочитал без свидетелей. Мало ли, чего я опять выкину, – придется реагировать. Вообще я стараюсь не нарываться, но кто поручится, что мне не попадет вожжа под хвост. Или что меня муха не укусит. (А я виноват, что они тут летают?)

– Немного, – ответил я. – Слухи, сплетни, статистика... Странная, однако.

– Мистика не проглядывает?

В его ухмылке что-то изменилось, будто возникла натужность. А ведь сейчас он не шутит!

– Это последнее, во что поверю, – ответил я. – Когда не останется других версий.

– Ну-ну, – сказал Аскольд небрежно. – Главное: не затяни следствие.

Я посмотрел на него внимательней, спросил:

– Ты в церкви-то давно не был? Или крестик у тебя для блезиру? Православие, чтоб ты знал, отвергает суеверия.

– Как и коммунисты, – хмыкнул он. – Правда, суеверия от этих заклинаний не исчезают. Может, и есть где корни?

– В психике, – ответил я. – Прежде всего. Слабые умы легче впадают в ересь. И крайности им больше свойственны.

– Ты что, тоже заделался верующим? – удивился Аскольд. – И куда подался: в христианство, мусельство, буддизм?

– По мне, так и все конфессии – ересь. Бледные подобию истины. Но большинству-то они годятся – всё лучше, чем безверие.

– Ты сказал: «прежде всего», – напомнил он. – Что еще?

– Непознанное. Конечно, его хватает. Но куда чаще за чудеса выдают собственные глюки. Мало ли чокнутых вокруг!.. А я поверю в чудо, когда пощупаю сам. Пока что мне на это не везло.

– Все когда-нибудь кончается, – заметил главарь. – Включая твое везение.

На секунду мне стало зябко: по-моему, он намекал на что-то. Уж эти ревнивцы! Впрочем, сперва дело. А все разборки оставим на потом.

– У тебя больше нет вопросов? – спросил я. – И у меня. Так я пойду?

– С вопросами у нас перепроизводство, – сказал Аскольд, наливая себе и мне по рюмочке **"Наполеона"**. – Затоваренность. Вот отвечать некому.

В задумчивости он глянул вдаль, окидывая окрестности орлиным взором. Машинально я тоже покосился на окно, но куда с большим скепсисом. Здешняя-то высотка господствовала, и бронестекла к месту, – но не слишком ли на виду? При желании можно достать любого орла, хотя б и ракетой.

А вслух сказал:

– Заведи визиря, как принято на Востоке. Уж он тебе напоет!

– Но у нас – Запад.

– Ты уверен? Тогда обзаведись командой экспертов. Если сумеешь набрать приличных спецов...

– Восток-то – дешевле.

– Да где найдешь такого универсала? И не оказался бы он слишком ушлым для тебя... С командой-то совладать легче.

Аскольд самоуверенно ощерился: ну, это положим, – вдруг спросил:

– Как достигают настоящего богатства – а, Род? Ведь бродят где-то «бешеные бабки», дожидаются охотников!.. Как угодить в такой заповедник?

У него всегда была тяга к браконьерству, да и сейчас жил как в лесу. Но в нынешних делах дошел, видно, до насыщения.

– Все ищешь «золотое дно»? – хмыкнул я. – Наследство, ископаемые, спекуляции... Здесь с этим туго, насколько знаю. Артист из тебя хреновый, как и режиссер. Влезать в наркоту или работорговлю – слишком ты на виду.

Мне показалось, при упоминании артистов на лице главаря что-то дрогнуло. Уж не задумал и он податься в шоу-бизнес? Дело-то прибыльное – при наличии свежих дарований.

– И что остается?

– Идеи. Кто подбрасывает людям действительно стоящую вещь, тот на коне.

– Компы, да? – спросил Аскольд. – Авто, ракеты, транзисторы... А что станет следующим?

– Если б я знал!.. Думаешь, сидел бы тут?

– Надо, надо рыть! А вдруг подфартит нам?

– Хочешь сказать: «мне»? – проворчал я, но главарь сделал вид, что не услышал. (Тоже, между прочим, умение.)

– Мы ведь с тобой нищие, Шатун, – сказал он. – В сравнении с мировыми зубрами. Ты больше, я меньше.

– По-моему, твоя нищета – внутри. А там ее ничем не насытишь.

Очередная моя сентенция прозвучала двусмысленно: это ж какая нищета имелась в виду – не духа ли? Прищурясь, Аскольд глянул на меня, и оживление на его лице потухло.

– Ну, я свободен? – сейчас же спросил я. – Свободен наконец?

– Что не пьешь? Классное пойло.

– На работе не пьют.

– И девок не потребляют, да? – фыркнул он. – Небось, и не куришь?

– И не колюсь. Еще что интересуется?

– Завтра жду с отчетом, – сказал главарь. – Вообще, наведывайся чаще. Этот не тот случай, когда важен только финал.

– Ну да, вдруг сгину на дистанции – вместе со всем тем, что успел раскопать, – подтвердил я сочувственно. – Это ж какие убытки!

Аскольд осклабился и кивнул на дверь: мол, отпускаю – пока. Гуляй, Родя!

После залитого светом высотника я заскочил в тренажерник, притулившийся в сумеречном сыром подвале, где у меня тоже хватало знакомцев, и переговорил с теми, кого застал там, – включая тренера, которого по старой памяти подпитывал сведениями, почерпнутыми в Океане. Кто имел средства, давно обзавелись собственным оборудованием, но остальные по-прежнему теснились в таких вот «качалках». За малым исключением, все тут готовили себя к борцовым турнирам, где можно подняться в иное сословие, заделаться крутарем. Схватки проводились без разделения на веса, а потому без солидной мускулатуры туда лучше не соваться.

В следующем этапе упор делался на фехтовании. Вот тут из габаритных «качков» выкристаллизовались мастера, умевшие обращаться с заточенной сталью и не стеснявшиеся пускать ее в ход. В эту элиту войти куда сложнее. И много опасней, ибо неудачная попытка может стоить жизни.

Но обо всех этих игрищах лучше забыть, когда начинается пальба. Я вообще плохо понимаю, зачем наворачали такие сложности, если самый хилый стрелок может играючи завалить любого мечника. То ли ребятки увлеклись соревновательным духом в ущерб здравому смыслу, то ли впрямь задались целью вывести породу, отличную от прочих. Или ставка делалась на доспехи, которые не пробить обычной пулей? Но система-то сложилась раньше, чем они появились. Что-то не замечал я у крутарей дара предвидения!

Из тренажерника я отправился прямым в порт, один из главных стержней городской жизни, вокруг которого крутилось много всего. Забросив «болид» на платную стоянку, отправился слоняться по окрестностям, и сам не очень представляя, что ищу. Заправляли тут Портовые Крысы (не путать с Крысятами-ползунами), то бишь докеры, сплотившиеся то ли в гильдию, то ли в братство. Настоящей Семьи из них не получилось: слишком разношерстая публика, – однако таких здоровяков и горлопанов поискать, а решимостью они могли дать фору любым бандитам.

Обычно в порту хватает суеты, но сегодня выдалось затишье. На главной пристани дожидался пассажиров теплоход, сияющий белизной и полировкой, готовый хоть сейчас отправиться вокруг Европы. В сторонке разгружалась баржа-самоходка, доставившая очередной груз контрабанды. Верховодил тут Грант, один из «старших братьев» Аскольдовой Семьи, прозванный Гепардом за худобу и хищную грацию. Переругиваясь с грузчиками – больше со скуки, чем ради порядка, – он прогуливался по набережной. Следом семенил пьяненький таможенник в помятой пропотелой форме, канюча взятку – ну хоть какую-нибудь. Наконец Грант сунул ему в лапу, лишь бы отстал, и тот заковылял прочь, вполне удовлетворенный. Переглянувшись с капитаном, наблюдавшим за сценкой с мостика, Грант весело рывкнул:

– Таможня дает добро!

«И все вздохнули с облегчением».

Конечно, я осмотрел сгоревший склад и, конечно, ничего там не обнаружил – то есть никаких сторонних вещей. Хотя впечатления от пепелища сложились странные.

Покрутившись в порту, я перекочевал в соседний парк, где и вовсе оказалось пусто. Лишь возле замызганного туалета, на свежевыкрашенной скамейке, расположился казачий патруль. Черт знает, зачем они забрели сюда – может, как раз в поисках сортира. Поигрывая плеточками, казаки с прищуром поглядывали по сторонам, однако вели себя смирно: все ж не у себя в слободе. И шашки по нынешним временам смешное оружие, хотя, в отличие от самозванных дворян, казаки умели ими орудовать. К шашкам, правда, прилагались карабины, но тут на один ствол из любой подворотни могли садануть дюжиной. Разомлев на солнце, служивые лениво переговаривались, покуривая с показной небрежностью. Старшой даже ослабил портупею, давая роздых обширному брюху, и стащил фуражку со вспотевшей лысины, обмахиваясь вместо веера.

Внезапно из дверей сортира возник поджарый типчик в цветистой косоворотке и припустил в сторону едва не рысью. Следом выскочил белобрысый молодой казак и заверещал дурным голосом, тыча в типчика пальцем:

– Гей, славяне!.. Гей, гей!.. Держи его!

Казаки переполошенно закрутили головами, с натугой кумекая, схватились за карабины. Затем дружно заржали в три голоса, а старший укоризненно прогундосил:

– Ну чё горло дерешь, почка? Сказал бы по-нормальному: педик. А то...

– Гей, гей – не бывает голубей! – насмешливо пропел другой казак, долговязый и горбоносый. – Лопух ты, братец, – нашел диковину! Да здесь их... – И он смачно сплюнул в кусты.

Оставив парк, я пересек брусчатую мостовую, направляясь к мрачного вида двери под аляповатой вывеской, на коей значилось: «Причал», – коротко и емко. Обычно сюда причаливали иногородние моряки да местные контрабандисты, а больше всего тусовалось Портовых Крыс, – в общем, публика не скучная. Намеренно или нет, но трактирный интерьер будто срисовали со стивенсовской «Подзорной трубы»: низкий потолок, неоштукатуренные стены, посыпанный морским песком пол, красные занавески на окнах. Меж сложенных из кирпичей колонн разбросаны столики, у дальней стены притулилась пестро разукрашенная эстрада – хотя ее-то, по-моему, заимствовали из вестернов. По вечерам и тут устраивали

фривольные пляски, но больше для демонстрации товара, совмещая варьете с куда более прибыльным борделем.

Народу в трактире хватало, и составляли его в основном докеры, коротавшие время в ожидании работы. Пришлых я разглядел с десяток, и среди них – вот уж кого не ожидал встретить тут! – Лана, с недавних пор законная супруга Аскольда. Все-таки главарь заполучил ее, хотя дожидаться пришлось не один год. Надо отдать должное: играл он честно.

Сопровождали Лану двое молчаливых амбалов с пристегнутыми к бедрам секачами, а в сторонке я заметил третьего, худого и опасного точно кобра, наверняка скрывавшего под одеждой немалый арсенал. Все верно, такие места без подстраховки лучше не посещать – тем более, такой приметной даме. И с чего ее занесло сюда: приключений ищет?

Только я возник на пороге, как Лана уперлась в меня настойчивым взглядом. Деваться некуда – я прошел прямо к ее столику и уселся напротив, в единственное свободное кресло.

– Что будешь? – спросила женщина. – Колу?

Я кивнул: она помнила мои вкусы. Лана сделала знак половому, выждала, пока тот примчится с бутылкой, затем велела амбалам:

– Погуляйте, ребятки. Как бодигард, Шатун стоит вас обоих.

Парни не противились, дисциплинированно переключившись к соседнему столу. Потягивая колу, я разглядывал их хозяйку, свою единственную настоящую страсть, уже отпылавшую... ну, почти. С последней встречи Лана мало изменилась, разве поблекла слегка. Или ее глаза перестали освещать лицо. Или это я теперь видел женщину иначе. Но марку Лана держала – такая же изысканная, элегантная. Подходящий персонаж для портового кабака.

– Всё один бродишь? – спросила она. – Что так?

наш вчерашний разговор Лана, видно, забыла – хороша же она была! Зато курила сейчас с таким остервенением, будто задалась целью подпортить Аскольду потомство.

Пожав плечами, признался:

– После тебя не тянет ни к кому.

– Что ж тогда не удержал?

– А мы бы все равно не ужились. Вот с Аскольдом тебе – в самый раз.

– «Пост сдал», да?

– Так уж вышло. Каждый получил, что заслуживает.

– А ты жестокий. Прежде не замечала.

– Ну, я-то и вовсе остался на бобах!..

– Зато свободен, как орел. Не желаешь плодиться в неволе, да?

– Так я и на воле не стремлюсь. И поздно уже, покоя хочется.

– «Старый стал, ленивый...» Потому и сюда зашел?

– А вот за это благодарю мужа – всучил-таки работенку.

– И чем соблазнил?

– Глубинной подлодкой, – хмыкнул я. – Ты ж знаешь мои слабости.

– Ну да: чистое море и мутный Океан!.. А что за работа? – спросила между прочим. – Дело о сгоревшем складе? Или о пропажах?

– Забыла? Я не обсуждаю чужие дела.

– Так уж и «чужие»!

– Ты здесь ни с какого боку, поверь. Если свербит, пытай Аскольда, а у нас, наемов, собственная гордость.

– Ты – и наема? Не смейся.

– Разовый, милая, разовый. И потом, мне самому интересно.

– Вот это ближе.

– Что-то творится в городе, не чуешь? Что-то готовится, назревает.

– Скажи, – сказала Лана вдруг, – ты не жалеешь, что мы... что у нас...

– Иногда. Но как представлю, куда это могло завести!..
– И не скучно каждый раз просчитывать последствия?
– А разве ты не хотела гарантий? Каждый желает соломки подстелить.
– Ну да, любовь – любовью, а до полного отречения...
– Именно.
– Может, тебе никто не нужен, а? Имею в виду, по-настоящему. Или принцессу ждешь?
– Разве я похож на Ассоль?
– Скорей на Кинг-Конга. Эдакий реликт древних эпох. Ей-богу, иногда жалею, что ты такой здоровенный, непошибаемый, самодостаточный...
– Ну, извини.

Впрочем, другая моя знакомая пошла еще дальше и высказала пожелание, чтобы я сделался калекой, – вот тогда, мол, «стану тебе нужна». Дурочка, у нее не хватило разума понять, что «вот тогда» я повешусь.

– А роль любовника при живом муже тебя по-прежнему не устраивает?
– Милая, зачем мне лишние угрызения?
– И ссор все так же избегаешь?
– Ссориться – зачем? Я просто отхожу в сторону.
Если позволяют. Если нет, приходится, как правило, им... отползать.
– А у меня без этого – никак.
Без чего: без ссор, без любовников? Впрочем, не мое дело.
– Ты сама выбрала, – сказал я. – Хотела гарантий, защищенности? Ты их получила.
– Я хотела надежного человека рядом. И чтобы любил.
– Надежным человеком нельзя управлять. Либо он сильный, либо управляемый. А ты пытаешься совместить.

– Я только хотела любви, – повторила Лана с надрывом.
– Думаешь, она извне приходит? – спросил я. – А если придет, чем сможешь ответить?
Что за про#клятый мир! Лучшие люди ущербны в нем с детства и постоянно доказывают что-то – себе, ближним. От самой Ланы я знал, как ее мать внушала девочке, будто та уродка и дура, – проклятье, зачем? Откуда такая ненависть к собственным чадам? Или это сродни мазохизму?

– И что нужно глупой тетке? – усмехнулась Лана. – Полгорода ей завидует!
– Ладно, сменим тему. Тем более, тот тип, – я мотнул подбородком на третьего, засекреченного гарда, – уже нацелил на нас слухач – наверное, с благословения Аскольда. Но лучше б он переключился на парочку в дальнем углу. По-моему, за тобой следят.

Тайный гард тотчас забыл про подслушивание и принялся метать по сторонам косые взгляды, высматривая угрозу. Вот отсекай от Ланы «хвосты» он должен в первую очередь. Когда заварится буча, шустрить будет поздно.

– А может, за тобой, – возразила Лана. – Откуда знаешь?
– Они сидели, когда я вошел... Послушай, можешь мне кое-что обещать?
– Смотря что.
– Раньше не уточняла, – хмыкнул я. – Не бойся, «я по-прежнему такой же нежный».
– Ладно, обещаю.
– Не слоняйся по таким местам, пока не закончу расследование. Ну не нравится мне это!.. Ты еще веришь в мою интуицию?

Шпики разом поднялись и заспешили к выходу, не оглядываясь. Сидели-то они далеко, а слухача я у них не заметил – стало быть, умели читать по губам. И где теперь вынырнут?

– Ну вот, пришло время выполнять обещание, – сказал я. – Пока эти гаврики не накликali беду.

Как и положено среди благородных бандитов, я помог даме подняться и под ручку с ней прошел к выходу. Амбалы с секачами тут же пристроились сзади, а замкнул процессию тощий стрелок, угрюмо поглядывая по сторонам. Так, впятером, мы из подвальной прохлады выбрались на слепящий солнцепек, по раскаленному тротуару проследовали к приземистому серому лимузину, ждавшему за углом, и на пути нам не встретилась ни одна сволочь.

Молча Лана скользнула в салон, следом загрузились гарды, и лимузин отплыл, перегораживая едва не весь проулок. Я глядел ему вслед и ощущал в себе сожаление. Но уже не боль, слава богам. Перегорело, остались руины, слегка дымящиеся. Лучше бы, конечно, не раздувать.

Затем машина скрылась за поворотом, и я глубоко вздохнул, восстанавливая равновесие. Ну вот, теперь можно снова вернуться к делам.

Глава 5

Я брезглив в подборе друзей (собственно, их у меня почти нет), а вот знакомцев коллекционирую самых разных. За десятилетия скопилось занятных экземпляров, правда видется с ними хочется всё меньше. Или я становлюсь нетерпимей, или они с годами портятся, как лежалый товар. А некоторых держу для примера. Во многим они схожи со мной – мы словно бы стартовали вместе. Но как далеко развели нас пути! Вот по таким я сужу, куда не надо сворачивать.

И сегодня придется навестить одного из тех, кого не вижу месяцами. Проживал он в самой, пожалуй, безопасной из городских зон – казачьей слободе. Посторонних сюда впускали, но на чужой территории даже бандиты вели себя тише. А последнее время казаки принялись патрулировать другие районы, постепенно расширяя свой ареал и охотно приняв на себя «суд да дело», – как же, у них в этом такой опыт! Сначала, когда еще пытались бунтовать, на своих шкурах прочувствовали, потом сами набили руку в усмирении. Публичные их порки немногим отличались от шариатских казней, также вершимых при большом стечении, – не столько устрашение, сколько потеха. Не исключено, вскорости на эти представления публика станет стекаться со всего города. Глядишь, и расправу будут вершить родичи потерпевших или добровольцы из толпы, – на словах-то желающих хватает. В слободе даже устроили собственную тюрьму, и, скажем, мусела вполне могли туда закатать, ежели попадался без положенного зеленого банта на рукаве. К счастью, я мало похожу на здешних туземцев. Но если меня попробуют подобным же образом вразумлять, буду отбиваться до последнего – надеюсь, что «вразумителя».

Миновав казачью заставу, я покатил по аккуратным, будто вылизанным улочкам, нехотя соблюдая ограничения, – не воевать же со здешней бандой? Добравшись до места, приткнул автомобиль на стоянку и вылез наружу. Оставлять «болид» без присмотра я не боялся. В здравом уме никто не сунется к крутарской машине, даже если бросить ее на пустыре. Кто знает, на что настроен бортокомп, – а ну, начнет палить по сторонам?

Этот дом, с высокими потолками и толстыми стенами, был из «блатных», к тому ж упрятан в самой глубине слободы, поблизости от со церкви и расчищенной от ларьков площади, где казачки проводили свои сходы. Патрули вокруг слонялись во множестве, а на входе даже устроили пост. При желании-то проникнуть внутрь нетрудно, но к чему лишние трюки? Я знал, что хозяин на месте и что он примет меня. А потому, как и положено, вступил в дом через подъезд, лишь назвав себя постовым и показав удостоверение, припасенное для таких случаев. Стенающим лифтом поднялся к верхним этажам, даванул в «пипку звонка», даже не пытаясь укрыться от нацеленной сверху камеры, через которую сейчас наверняка глазели. Затем массивная дверь с натугой открылась, и я очутился в прихожей, обставленной не без вкуса, хотя сильно отдающей нафталином.

Рядом стояла маленькая горничная в белом фартуке поверх коротенького платья, дожидаясь, чем ее наделят (плащом, шляпой, тростью), а в проеме гостиной высился хозяин – дородный, осанистый, с седеющей шевелюрой и пышными усами, – и улыбался во всю ширь, будто впрямь радовался моему приходу. Облачен он был в цветистый халат, из под которого виднелись ноги, мягкие и бледные, обутые в нарядные тапки с загнутыми носками.

Наделять горничную было нечем (разве «гюрзой» или набедренными мечами), чаевые давать я не любил, а потому сказал лишь:

– От меня вам всем приветик!

– И тебя приветствую, – с готовностью откликнулся Эдвин Савельевич Войховский, видный депутат Народного Собора и директор губернской телестудии. – Знал, знал, что еще наведаешься!

– А ты вообще знаешь слишком много. Может, поделишься?

Эдвин действительно слыл ходячей энциклопедией, к тому ж наделен изрядным обаянием. Лет двадцать назад он был талантлив, щедр, окружен друзьями и единомышленниками, даже почитался за лидера. Затем талант иссяк, сменившись разочарованием, а вместе ушла доброта. Все начинания Эдвина рушились, друзья сгинули, предавая его либо предаваемые им, – кое-кто даже пытался мстить. А те, кого он вел за собой, услужливые и старательные, мало-помалу переделали Эдвина под себя, доказав очередной раз, что это вожак подлаживается под стаю, а не наоборот. Увы, он оказался слаб.

Жил Эдвин не столь богато, чтобы всерьез опасаться грабителей, однако получше многих. Дети уж выросли и, как водится, перебрались в столицу – с надеждой на большую карьеру, хотя способностей Эдвина не унаследовали. Затем и жена уехала к родичам, устав пугаться уличных перестрелок, становившихся тут делом обычным. Так что остался Эдвин один в большой квартире, хотя одну из комнат занимала обычно горничная, нанятая по газетной объяве. На моей памяти их сменилось шесть, и все они походили друг на друга крепенькими фигурами, огрубелыми широкими ладонками и покорными выражениями простых лиц. Видно, утомили Эдвина интеллектуалки, захотелось посконного, «от сохи». Из-за сытой жизни, нежданно свалившейся на их глупые головы, бабенки пухли как на дрожжах, расплываясь в тесто, – потому, видно, и приходилось их часто менять. Наверно, Эдвин даже рад был поводу обновить прислугу, хотя особого различия в горничных я не замечал, разве что с каждым разом они делались моложе. (Нынешняя и вовсе едва проклюнулась из подростков.) А с уборкой справлялись, по-моему, все хуже.

Широким жестом Эдвин пригласил меня в комнату, а сам направился к обеденному столу. Теперь он не ходил, но вышагивал – то ли из-за чрезмерного веса, то ли от важности. На стенах тут по-прежнему плотно висели книжные полки вперемежку с дареными картинами, а все пространство заставлено старой мебелью – по нынешним временам почти антиквариат.

Следом за хозяином я прошел в гостиную и водрузил на стол увесистый пакет. Затем опустился в кресло, наблюдая, как суетится над пакетом горничная, раскладывая яства по тарелкам, и с какой нежностью поглядывает на них Эдвин, известный чревоугодник. Венчали натюрморт две бутылки из моего погребка – в винах хозяин тоже понимал толк. Он и сейчас мог обскакать меня в цитировании блюд и рецептов, хотя черпал сведения отнюдь не из Океана.

– Давненько, давненько ты не заглядывал! – приговаривал Эдвин, одной рукой пошлепывая горничную по оттопыренному заду, чтобы не канителилась, а в другой уже приготовив бокал. Он походил сейчас на сибаритствующего Алексея Толстого с известного портрета, правда, с усами вразлет. – Совсем одичал в своем отшельничестве.

Я и впрямь отсутствовал долго, но в комнате мало что изменилось. Как и прежде, Эдвин не жаловал ни музыки, ни телевизора, несмотря на нынешнюю службу. А посуду тут мыли так же плохо – вот уж чего не люблю! И почему Эдвин не обзаведется посудомойкой? Имею в виду автомат.

– Ладно, отправляйся, – велел Эдвин горничной. – Не то пропустишь свой сериал. Мы уж здесь сами!..

И снисходительно улыбнулся: дескать, простим ближнему слабости. Может, он и в Собор пробрался затем, чтобы обрести подходящий фон?

– Итак, – произнес Эдвин, когда за женщиной закрылась дверь, и снова поднял бокал, уже наполненный, – за что пьем?

– За что хочешь. – Из приличия я пригубил свой. – Лично я пришел за ответами.

Расспрашивать про домик на набережной я не собирался, и даже «лупить по площадям» вряд ли стоило. Эдвин достаточно умен, чтобы догадаться.

– Хотя бы притворился, что рад видеть! – похмекал он.

– Зачем? Ты знаешь, что я знаю... К чему эти игры?

– Ну-у... приходится ведь носить маски.

– У меня в запасе лишь одна – непроницаемая. Устроит?

– Бог с ним, обойдемся! В конце концов, даже общение с умным врагом приносит удовольствие. Но ведь ты мне не враг? – прибавил Эдвин с надеждой.

Я кивнул, соглашаясь скорее с тезисом насчет «умного врага». Впрочем, я действительно ни с кем не вражду – пока не нападут.

– Значит, угощение как бы плата? – спросил хозяин, озирая манящие блюда уже с сомнением. Его нацеленная вилка застыла в воздухе, словно раздумывая, в какую сторону двинуться.

– За визит. Понравятся ответы, подброшу еще что-нибудь – соразмерное.

– Уже легче, – выдохнул он, и вилка спикировала на цель. – Ты ведь не станешь покупать меня, как должностное лицо?

– Как должностное, ты и этого не стоишь, – кивнул я на блюда. – И само лицо у тебя неважноецкое, уж извини. Остается надеяться, что хоть мозги не заплыли, иначе напрасно я пришел.

Наверно, я сгущал краски. Но с последней нашей встречи Эдвин набрал не меньше полупуда, а ведь излишков хватало и раньше. Правда, усы тоже сделались пышней, будто он равнялся на казачков. Кстати, их Эдвин и представлял в Соборе, хотя сам был иных кровей. Что не мешало ему время от времени наряжаться, как на маскарад, благо здешние атаманы уже произвели своего трибуна в полковники. И лихо ж он гляделся с шашкой на боку и с перетянутым портупеей пузом! При том, что в домашнем облачении – вылитый турецкий паша. С ма-аленьким таким гаремчиком.

– И часто пользуешь ее? – спросил я, кивая на дверь.

– Ну, надо же сбрасывать напряг!

– Зачем сбрасывать? – возразил я. – Почему не направить на благое дело? Учись у йогов.

– А ты что, – с любопытством спросил Эдвин, – действительно не спишь со своей домоуправительницей?

– С Дворецким, – фыркнул я. – Тебе-то какая разница?

– Так ни разу и не ублажил бедняжечку? – не поверил он. – Разгуливает, понимаешь, в чем мать!..

По-моему, Эдвин даже подмигнул мне. Надо ж, и этот в курсе. Будто не на отшибе живу, а в самом центре, за прозрачными стенами. И что Инесса так волнует здешних самцов: потому лишь, что ходит нагишом? «Основной инстинкт», ну конечно. Лишь заметил голую тетку, надо набрасываться, пока не опередили. Каждый метит территорию, как умеет. Кобели лапу задирают, котяры – хвост. А мужики, как водится...

– Ее право, – сказал я. – Лишь бы с хозяйством справлялась. Или, по-твоему, обязательно совмещать?

– А разве это не разумно? – возгласил он. – Большинство для того и заводит жен: уборка, готовка, постель. Так не проще ль и не дешевле сии услуги купить, благо рабочей силы переизбыток?

– Уж это мне большинство, – не пропустил я. – Скажи еще: «народ»!.. Вот к этому ты и пришел после долгих лет? А как же высокие чувства?

– Они годится для стишат, песенок. Жизнь – это проза, мой друг. И не следует путать ее с иллюзиями, создаваемыми для приукрашательства... к слову сказать, мною тоже.

– А что, с твоими надомницами впрямь сводится к физиологии? Или все же мотают нервы?

– Кабы не эти заразы, – признался Эдвин, – сколько бы я натворил!
– А ты твори, – посоветовал я. – В полную силу. Тогда станет не до них. Сублимация, понимаешь!

Но предложение не вызвало у него энтузиазма.

– Слаб, слаб человек, – вздыхая, посетовал он.

– Это ты слаб, – возразил я. – Нечего обобщать.

– Но разве ты чужд соблазнам?

– Прежде всего я чужд дурным примерам. А вот тебя увлечь за стадом – пара пустяков.

– Слава Богу, – со скромной гордостью поведал Эдвин, – в таких делах я не среди отстающих. Селянки на меня не в претензии, насколько знаю.

– Скажи еще «пастушки», – съязвил я. – И это тебя поставили растлителей из храма изгонять!

– Мой милый, «что дозволено Юпитеру...»

– Ну какой из тебя Юпитер? – хмыкнул я. – Тебе и до быка далеко. Нормальный боров, отъевшийся, возомнивший о себе.

– Ну, ты строг, – благодушно улыбнулся хозяин. – Прямо цербер. Скоро кусаться начнешь.

– Хватит зоологии!

– Что ж, перейдем к делу, – вздохнул он.

– А дело в следующем. На ваши тараканьи бега я до сих пор поплеывал с колокольни, но теперь потребовалось разобраться. А ты в этом котле варишься долго, наблюдаешь изнутри...

– Все-таки ты пришел за секретами.

– Засунь их себе в задницу, – предложил я. – Для сохранности. О чем вы талдычите на закрытых собраниях, меня не колышет. А вот что ты сам думаешь о ситуации?

Эдвин потупил глаза, сделав вид, что увлечен едой. Он был вовсе не глуп, но ограничен – старыми комплексами, нынешним бессилием. И по его классификации я относился скорее к бандитам, нежели к торгашам. А бандитам лучше не перечить, по крайней мере наедине. Зато с экрана Эдвин смотрелся грозно: язви́л, клеймил, обличал. Тоже, свободный художник! «Что воля, что неволя...» Уж лучше быть Мосьюкой, чем обслуживать губернских слонов.

– Хочу знать расстановку сил в губернии, – сообщил я. – Что вы, соборники, реально можете? Оставил вам Клоп хоть какие игрушки, кроме телестудии да пары редакций?

– Мы определяем стратегию, – сказал Эдвин значительно.

– Которой никто не следует?

Хозяин поглядел на меня с неудовольствием. Пожалуй, впрямь лучше не встречать, иначе не запоет соловушка... не зачирикает, не затокует.

– Ну-ну, – подбодрил я. – Дальше.

– Стратегия – это раз, – загнул Эдвин пухлый палец.

«Козел – это два», – не удержавшись, добавил я, но уже мысленно, сохраняя на лице непроницаемую маску... кстати, обещанную.

– Во-вторых, контроль, – продолжал загибать депутат. – Мы ведь представляем во власти народ. А без нас Двор занесет бог знает куда.

Ну занесет, а дальше? Будто у Собора найдется чем придержать Клопа!

– Еще разъяснение, пропаганда, агитация, воспитание, – на все хватило третьего пальца, правда самого длинного. – То, что зовется обратной связью.

А плевать чинушам на «обратную». Вообще, причем здесь ОС? Когда первая власть игнорирует вторую и подавляет третью... а вторая подмяла четвертую... много ли остается от нормальной схемы? Стратегия, контроль!.. И что, Эдвин всерьез верит в эту галиматью?

Как выясняется, эрудиция вовсе не мешает завыральным идеям. Хватило бы желания себя убедить.

– Разогни, – сказал я. – Все три своих сардельки. И скучно это – слышал десятки раз.

– Агитация и пропаганда – важнейшие из искусств, – усмехнулся Эдвин. – Глупо недооценивать массовые средства.

– Средства поражения или печати? – уточнил я. – Ты, случаем, не Гебельса цитируешь?

Или тот говорил про пистолет и культуру? Или про пистолет брякнул Геринг? Вечно путаю!

– Поражения тоже, – подтвердил он. – Увы, человеческая природа такова, что без плетки не обойтись. Стоит ослабить вожжи, и кони понесут.

– Эк размахнулся: «кони»! – фыркнул я. – Как бы твоя прислужка не понесла – этого стерегись.

– Наша задача: постепенно, исподволь готовить людей к грядущим переменам. Если им сразу дать волю... Помнишь про «русский бунт»?

– Либералы! – сказал я с презрением. – Как в Китае, да? В два прыжка через пропасть, зато под уклон – ба-альшим скачком... Ну, вы-то схлопочете, что заслужили, а других жаль.

И за что чинуши так возлюбили Китай? Верно, за тысячелетние бюрократические традиции.

– А что думаешь про Клопа? – спросил я.

– Алмазин, конечно, жук, – произнес Эдвин, восторженно улыбаясь, даже с придыханием. – Зато масштаб каков!

– Ну какой? – спросил я. – Губернский – всего лишь. А стал бы во главе империи, ты б его и вовсе в гении определил?

– О людях принято судить по делам.

– Ежели дебил доберется до ядерной кнопки – то-то дел наворочает!

– Так ведь надобно ж еще добаться?

– У тебя избыточное почтение к правителям, – заметил я. – Нешто себя примеряешь на роль? Или это зов холуйской души, а с тебя довольно и звания Соборного звонаря?

– Конечно, ниспровергать-то авторитеты куда проще. – Похоже, Эдвин все-таки оскорбился. – Ну с чего ты решил, будто правители ничтожества?

– Историю надо знать, – наставительно сказал я. – Почему тираны так любят брать псевдонимы, не задумывался? Ведь они ж пытаются собрать себя наново, отрекаясь от всего прежнего, – из дерьма вылепить пулю. Изначально-то они серость, нередко даже психи.

– Тогда почему за ними следуют миллионы?

– Потому что нации тоже болеют – в частности, слабоумием. И тогда на знамя поднимают полоумного. «В стране слепых...»

– Что, вот так разом все и впадают в дебилизм?

– Ну не поголовно, конечно. Удачную кликуху придумали: большевики. Этакое сочетание ненасытного брюха, завидующих глаз, неудовлетворенного либидо. Вот они и определяют сознание нации во время приступов.

– Имеешь в виду штурмы? – скаламбурил Эдвин, уже посмеиваясь. – Как говорится, «зачем брал Зимний – отдай взад». Так ведь к прежней вольнице возврата нет. Дисциплина – вот что сейчас требуется.

Интересно, где он углядел «вольницу»? И обороты какие знакомые.

– Ты что ж, на всех хочешь надеть ошейники? – полюбопытствовал я. – Рассадить творцов по клеткам, да? И пусть чирикают!.. А кто говорил, что талантам нужно свободно самовыражаться?

– Не осталось в России талантов, – скорбно возвестил он. – Не родит больше земля.

Вот этого я не люблю, хотя не патриот. Эдвин и себя готов записать в бездари, но лишь в компании с прочими.

– «У сильного всегда бессильный виноват», – выдал я для разгона.

– Это к чему?

– А у бессильного – сильный, – прибавил я уже свое. – И давно ты стал импотентом, родной? А ведь когда-то блистал – фантазией, юмором, слогом!.. Куда все подевалось, а?

– Злой ты, дедушка Мороз, – с кривой ухмылкой попенял он, – безжалостный...

– Да я б и пожалел тебя, кабы ты не рвался во власть. А уж тут либо жалеть, либо мочить. Правды не любишь? Так ведь ее никто не любит – нелюбимая она. Зато теперь будешь знать, на каком свете.

Ну да, так он мне и поверил! Тут выхожу я, весь из себя искренний, и раскрываю слепцам глаза... веки разверзаю. А кто меня просил?

Однако пора менять тему, эта никуда не ведет.

– Ты ж пасешься не только в Соборе? – спросил я. – Во Двор тоже заглядываешь. Что там за новые веяния? Дошли до меня слухи, будто многие из придворных замешаны в снафферстве. Посещают, де, тайные сборища, вкушают зрелищ, кровавых и запретных.

– Да нет там никаких снафферов, – уверенно заявил Эдвин. – И не было никогда.

– Откуда знаешь?

– Мне сам Валуев говорил.

– Ах, Валуев!.. А вот у меня иные сведения.

– Только не поминай независимых журналистов, – покривился Эдвин. – Слишком хорошо знаю, кому и за сколько они продаются.

– Например, Гай, – добавил я конкретики.

– А что – Гай? – живо откликнулся он. – Наверняка и ему приплачивают.

– Доказательства у тебя есть? – спросил я. – Кроме такого, что сам бы на его месте продался с потрохами.

– Так ведь ясно, на чью мельницу льет воду. Тоже мне, нравственные гуру!.. Только и умеют, что врать на весь мир да кланчить санкции против нас.

Все ж как здорово служить Моськой у слона! Можно облаивать любых гигантов, забравшись на его спину. Или даже гадить на них с верхотуры.

– Ну, что так смотришь? – спросил Эдвин, ерзая от неловкости.

– «Гляжусь в тебя, как в зеркало», – пояснил я. – Правда, кривое. Нет, милостивый сударь, этим путем мы не пойдем.

– А почему, собственно?

– Так ведь нормальные люди не идут по своей воле в палачи, тюремщики, рецензенты... Тут нужен особый склад.

– Ничего себе, рядец выстроил!

– Могу добавить сюда маньяков-серийщиков. Тоже ведь черпают силу в чужих страданиях. Энергетический вампиризм – слыхал про такое?

– Ты слишком здоровенный, Род, чтобы быть умным, – заявил Эдвин со вздохом. – Ну зачем тебе ум?

– Жить веселей. Не терплю однообразия. Опять же приработок.

– Кстати, – неожиданно сказал Эдвин, – у тебя нельзя одолжить? Ну, сколько сможешь.

– На выпивку не хватает? – спросил я. – Или на девочек? Насколько знаю, загреб а ешь ты поболее меня. В землю, что ль, закапываешь, как и талант?

– Но ты же знаешь, как эти стервы умеют доить мужиков! – подыграл он, хотя для таких нужд ему вполне хватало горничной. «Мужик», надо же! Как раз мужиков не доят – по крайней мере, не их карманы. Поставить бы Эдвина рядом с крутарем средней озверелости, узнал бы, что это такое: мужик.

– Я одалживаю лишь родичам и друзьям, – заявил я. – Даже милостыни не подаю.

– Очень удобный принцип, – ехидно улыбнулся он.

– Еще удобней занимать у всех подряд, – не задержался я с ответом. – Где-нибудь да обломится. А дальнему знакомцу можно не возвращать.

Тотчас у него потухла улыбка: верно, вспомнилось что-то. Это не означало, что у Эдвина проснулась совесть, – но кому приятно, когда тычут в собственное дерьмо?

– Похоже, ты не веришь, что люди могут исправляться? – спросил он.

– Не знаю никого, кто со временем сделался бы лучше, – заявил я, глядя на него в упор. – А ты?

Лишь бы не отвечать, Эдвин пустился в длинные рассуждения, постепенно приведшие его к другой теме, совершенно не связанной с исходной. Что значит политик – позавидуешь такому умению!

– Знаешь, что мне кажется? – спросил я, когда хозяин наконец выдохся. – Что ты сам в это замешан. Слишком приметный ты прыщик на нашем ровном месте. А увлечь тебя, как уже поминалось...

– Не гневи Бога! – всполошился Эдвин.

– Бога нет, – сообщил я. – Распяли его, слышал?

Но он уж успокоился, вернувшись в прежнее благодушие, и снова принялся за дегустацию гостинцев, предпочтя их моим догадкам. Вообще, равновесие Эдвин умел восстанавливать не хуже ваньки-встаньки.

– Не провожай, – велел я, поднимаясь. – И пышку свою не дергай.

Засим отбыл, аккуратно прихлопнув за собой дверь. Не дожидаясь лифта, затоптал по лестнице, больше глядя на очковый свой экранчик, чем под ноги. Потому что через оставленный в гостиной «глазок» созерцал тот же персонаж, но уже как бы сошедший со сцены, больше не работающий на публику. Артиста без зрителей.

Размеренно дожевывая маслину, Эдвин глядел на закрывшуюся дверь едва не с нежностью. «Покуда есть на свете дураки...» – промурлыкал он сочным баритоном. Затем, подняв трубку, рассеянно настучал номер, будто ритм любимой мелодии.

– Э-э... Узнал? – сказал в трубку. – Заскакивал тут общий друг... ну, ты знаешь... кой-чего принес на хвосте... может, сам не ведая. Так его тоже не худо б того... уговорить. Особенных хлопот не жду, однако... Свяжись с Хозяином, ладно?

На секунду в его лице проступила странная мина – будто под кожей обозначились зубы. Потом сгинула.

Еще некоторое время я косился на экран, приглядываясь к Эдвину, но он больше не проявлял странностей, наконец принявшись за угощение с полной сосредоточенностью. После, наверно, дрыханет с часик, уложив молодку под бок. может, даже потискает ее – если взывает ретивое. А ближе к вечеру почпаает на службу. Эти рельсы накатывались у Эдвина не первый год. Но вот занятно: кому он доложил? Хозяин, надо же!

Из казацкой слободы я выбрался быстро, а через несколько минут уже докатил до следующей станции в своем сегодняшнем маршруте. Это был тихий захламленный тупичок, куда почти не заезжали машины и даже пешие заглядывали редко. У облезлых стен скучали переполненные мусорники, а по брусчатке рассыпано много всего, от рваных газет до старых башмаков. Однако пахло не сильно, как будто залежи эти давно не обновлялись.

Я накатил «болид» на проржавелую решетку стока, после чего сдвинул соседнее кресло назад до упора и распахнул в днище люк. Сейчас же решетка задергалась, приподнялась, с омерзительным скрежетом сдвинулась вбок. Из сумеречной норы дохнуло смрадом и сыростью. затем в люк просунулась кудлатая голова, покрутилась по сторонам и наконец обратилась ко мне чумазой рожицей.

– Привет, крысенок, – сказал я. – За что ценю тебя – это за точность. Вежлив, как король!

– Так дело же, – сипло откликнулся малец. – Что я, без понятия?

Упершись руками о край люка, он ловко забросил в салон шуплое тело и расселся прямо на полу, привалившись спиной к дверце. Несмотря на жару, упаковался пацан основательно – конечно, в поношенное, но отнюдь не в рвань. На ногах башмаки с высокой шнуровкой, на руках перчатки из толстой кожи, локти и колени покрыты доспешными щитками. Замызганную курточку стягивал брезентовый пояс, на котором с одной стороны крепилась шахтерская каска, исцарапанная и помятая, а с другой, в щегольском пластиковом футляре, пряталась рация, подаренная мною для оперативной связи. И пристегнутый к штанине нож, с широким незатупляемым лезвием, преподнес малышу тоже я. Но вот несло от него, как от крысиного гнезда. Неудивительно: ползая по норам, в какой только дряни не извазюкаешься.

– Ты бы хоть в море чаще окунался, – пожелал я без особой надежды. – А, Тузик? Ведь выходят же ваши штольни на берег!

– Днем там ловить нечего, – ответил ползун загадочно. – А ночью как бы самого не поймали.

– Когда я был маленький, – завел я старую пластинку, – у меня тоже была... н-да... То есть и я любил рыскать по пригородным пещерам. Но чтобы в них жить!..

Услышав внизу шуршание, спросил:

– А там что за шестерка? Уже обзавелся личной охраной?

– Я не Шестерка, – обиженно откликнулся тонкий голос. – Я – Валет.

– Хорошо, не Дама, – хмыкнул я. – Ну, что ты окопался там: птенцов высиживаешь? Шуруй наверх!

Бог знает, кто додумался наделять ползунов карточными кликухами, но по статусу это расставляло со всей определенностью. Выдержав положенную паузу, в салон забрался еще один маленький «морлок», вдобавок и похожий на крысенок, с острым выдвинутым носом и крошечным подбородком. Примостился рядом с Тузом.

– А чё, у нас и Дама есть, – сообщил он, с любопытством озираясь. – Ничё девка, тока кусачая – жуть! Чуть тронешь за это самое...

И что в их возрасте может интересовать в «этом самом»? Уж и не помню. Перегнувшись через спинку, я достал из багажника коробку с гостинцами, плюхнул малышам на колени. Валет сразу зарылся в нее чуть не с головой. Туз повел себя солидней, ограничась щербетом и банкой фанты.

– Батарейки-то не забыл? – спросил он, поглядывая сквозь затемненные стекла на городские дома, словно стал уже забывать, как те выглядят. – И новые игры, что обещал.

– Когда это я забывал?

Снова забросив руку назад, я вынул увесистый рюкзачок, едва не в половину Туза. Собственно, большую часть его объема занимали фрукты. В местных-то садах особо не попадешься, да и опасней это с каждым годом, в эпоху всеобщего вооружения. А на городских свалках свой контингент, и там тоже не любят делиться. За каждый мусорник бои идут – собиратели, мать их!..

Но у этих пацанов своя территория, недоступная для большинства взрослых. К примеру, я бы застрял там на первых минутах.

– Ну, не ты, – признал малец. – Так ведь напомнить не лишне?

– А как ваш компик – фурычит?

– А чё ему! К нам прибился один, из технарей, – такой спец, с ходу сечет. И запчастей откуда-то наволок.

– Комплектующих, – поправил я. – Как-нибудь привезу вам антенну. Найдете, где присобачить, – сможете качать игры прямо из Океана. Там этого добра!..

– Ладно, ближе к телу, – сказал Туз. – Чего звал? А то у меня свиданка скоро.

– Деловая? – поинтересовался я. – Или с Дамой? Ну, даешь, Тузик!.. Мало тебя крысы кусали?

Пацан хмыкнул неопределенно.

– Во-первых, хочу остеречь, – продолжал я уже серьезно. – Вчера поскреб по здешним сусекам – там такого насыпано!.. Короче, на время воздержитесь от дальних экскурсий. Сейчас не до исследований, и новые подземелья открывать ни к чему – как бы из старых не пришлось линять.

– Шутишь?

– Какие шутки – о деле говорим!

– Ладно, разберемся. Тебе-то чё надо?

– Сведения, как обычно. В Океан-то не всё попадает. А вы, ползуны, – зверьки ночные, глазастые, шастаете повсюду и где только не выныриваете на поверхность... Странное творится ночами: люди пропадают, звери бродят невиданные... чуть ли не призраки с оборотнями завелись. Непохоже, что всё лажа, – что-то за этим есть. Ты ж знаешь: зря дергаться не стану.

– Да понял уже!

– Поспрашивай ползунов – своих и вообще. Потасуй дружественные Масти, другие Колоды... Только аккуратно, не нарывайся. Когда лихач выкруливает на большак, ему кровь что водица. А тебя, мальчиша, прихлопнут и не заметят.

– Чё пугаешь-то? – пробурчал Туз. – Не малой.

Очень свежо! Был бы «не малой», промолчал.

– А тут и большие влетают по уши, – сказал я. – Если учуешь, что дело керосинное, лучше не вступай – обойдусь. Мне прежних грехов хватает по маковку, чтоб еще и твою жизнь на совесть грузить.

– Да чё нам терять? Подумаешь!..

– Так уж выходит, – молвил я. – Кто-то теряет, а кто-то находит. И неизвестно, кому повезло.

Следовало бы издать сборник мудростей, почерпнутых из песен. Не исключено, это главный источник для очень многих.

– И еще, – сказал я под занавес. – Говорят, завелись добрые дяди, кои выманивают ползунов на поверхность, обещая хороший куш. И куда потом те деваются, мне неизвестно. Имей это в виду, ладно?

Прихватив рюкзак и остатки сластей, ползуны соскочили обратно в нору, почти сразу сгинув с глаз. Еще пару минут слышалось удалявшееся шуршание, затем стихло.

Аккуратно я задвинул обе крышки на отверстия, после чего опрыскал пол и окрестности инсектицидом: подземные норы кишат блохами, не говоря о прочей пакости. Затем вернулся на место кресла и покинул тупичок. Путь мой снова лежал через центр, только ныне я двинулся по другим улицам, чтобы больше увидеть. Слева, за несколькими рядами деревьев, громоздилось серое здание Собора, где народные избранники разыгрывали перед телекамерами ежедневные представления. По другую сторону дороги, возле президентского дворца, кучковался пикет из пары десятков неряшливо одетых субъектов обоих полов, уныло демонстрирующих обличительные плакаты. Никто не обращал на протестантов внимания, и сами они, по-моему, не очень представляли, зачем парятся на солнцепеке. Вполне возможно, что им платят за каждый час, как это утверждают многие. И не удивлюсь, если на пикеты отстегивает Клоп. Своих противников лучше возвращать самому, а не ждать, пока «свято место» займут настоящие, плохо управляемые.

Загадочный дом, о котором поведал Лазер, угнездился как раз тут, на одной из тихих центральных улиц, неподалеку от главных губернских контор. Однако я не стал торопить

встречу, оставил на десерт. Сперва осмотрюсь как следует, переговорю кое с кем. Но прежде, чем я достал этого «кое-кого», достали меня: вдруг заверещал радиофон. Вздохнув, я откликнулся:

– Слушаю.

Медленный низкий голос произнес:

– Грабать тут.

Как будто я не узнал!.. Подавив новый вздох, повторил:

– Слушаю, Парфеныч. Что-нибудь выяснили?

– Это убийство – ты прав был. Мы нашли, откуда пуляли. Из чего тоже.

Ясное дело: оружие подбросили как сувенир. При нынешнем обилии стволов – небольшая потеря. Хотя кто нынче утруждает себя экспертизой? Разве неутешные родичи.

– Чем-то могу помочь? – спросил я. – Ты ведь не ждешь от меня слов?

– Ты уж помог нам. Не ради благодарности, верно?

– Значит, и звонишь для иного. – Я уже догадывался, зачем. – Ищешь возмездия, да?

– Я старый человек, Род. И не стал бы рисковать людьми, лишь бы отомстить. Но у меня есть еще сыновья.

– Резонно, – признал я.

– Ты сможешь найти убийц? Очень прошу.

Хитрец: он даже не стал поминать деньги. Мол, назначь цену сам, только соглашайся.

А торг здесь неуместен.

– Собачку пускали? – спросил я, раздумывая, как поступить.

– Ну, довела – до шоссе. И так ясно, что не с гор спустился.

– «п альчики», конечно, не оставил?

– Нет.

– Но следы-то должны иметься. В чем он был?

– В кроссках. Так ежели он профи...

– Не обязательно. Сейчас каждый пентюх знает, что на дело ходят в перчатках, а от оружия лучше избавляться. Но про мелочевку он мог забыть. К тому ж это могла быть инсценировка заказа.

– По-твоему, другая Семья наехала?

– Рано судить. А если провокация? Пока что можно подозревать всех, включая твой ближний круг. Кстати, не мешало б и там проверить обувь.

– У сыновей тоже?

Грабать спросил спокойно, но он всегда избегал пустых угроз. Пока угрожать не становилось поздно.

– Тебе решать, – ответил осторожно. – В вашей кухне я ориентируюсь плохо. Но сейчас вокруг такое творится!..

– Это – да.

– Никто не копает под тебя? На нынешний разгул можно многое списать.

– С этим я разберусь. Вот с остальным что?

– Договоримся так, старина... По-настоящему я не могу за это взяться. Но сейчас раскручиваю заказ, где копать приходится широко и примерно в том же направлении. Что сумею – сделаю.

– Это и хотел от тебя услышать.

– А следы мне перешли, ладно? Включу в поиск.

– Сделаю.

Помолчав, Грабать спросил:

– Ты уверен, что это не Аскольд?

Вот этого я опасался!.. Тоже чуть выждав, словно после тщательного взвешивания, ответил:

– Конечно, он не ангел. Но и не идиот же? Я и то ждал, когда вас начнут сталкивать лбами, – ведь напрашивается.

– У тебя репутация, Род, – сказал Грабарь на прощание. – Береги ее, ладно?

А это прозвучало, как угроза.

– Уж постараюсь, – пробурчал я.

Задумчиво посвистел, качая головой, точно болванчик. Интересно, чего мне прибавили сейчас: резервов или хлопот? Вообще, поддержка Грабаря весит немало – конечно, если старика не хватит Кондратий. А то, что он не похож на убитого горем отца, ничего не значит – я и сам не люблю показухи. Но если припрет, Грабарь тоже меня сдаст, со всем почтением. А может и сам списать в расходы, ежели заподозрит в чем. Вот и вертись.

Глава 6

Общаться еще с кем-либо мне расхотелось. С пару часов я без видимой цели кружился по городу, впитывая впечатления, проникаясь атмосферой. А ближе к вечеру, когда стало чуток прохладней, выбрался из «болида» и продолжил шатания уже пехом, выбирая для прогулок места, где даже машины редко возникали, не то что пешеходы. Но как раз тут, если верить слухам, чаще **творилось странное**. Конечно, на роль живца я плохо гожусь, зато опасений вызываю меньше, когда выгляжу бродягой, а не как бандюган, вынюхивающий невесть что. И свою машину я отослал подальше, чтоб не портила впечатление.

Но вечер, как назло, выдался мирный. Даже «шакалы» не рыскали по улицам в поисках добычи, словно бы взяли выходной. А кто попадался мне на пути серьезных подозрений не будил. И на шагающую навстречу парочку я поначалу не обратил особого внимания. Затем насторожился.

Чуть впереди ступала высокая и, судя по открытым гладким ногам, совершенно незагорелая девушка с милым лицом, обрамленным светлыми локонами. Одета она была странно: в тонкий, дымчатого окраса свитер, оттопыриваемый задорными грудями, и босоножки на низких каблуках, больше похожие на домашние шлепки. И парень держался слишком вплотную к ней – при том, что даже не пытался приобнять. Вообще он выглядел напряженным, а татуированные руки засунул в карманы жилета, что мне совсем не понравилось. На мусела он походил мало, но, во-первых, в здешних местах хватает метисов, а во-вторых, и городские подонки не прочь заработать на работоторговле. Иные даже сестру готовы продать, если дадут хорошую цену.

Завидя меня, девушка распахнула лемурии глаза еще шире. Подать голос не решилась, но взгляд был достаточно красноречив. Невольно она даже ускорила шаг мне навстречу.

Чуть изменив направление, я подгадал так, чтобы пройти впритирку к парню, и на последнем шаге коротко саданул локтем, угодив ему в челюсть. Он даже всхрипнуть не успел, не то что выхватить ствол. Этот пункт затруднений не вызвал, а вот дальше следовало поспешить. Наверняка же парочку пасут – такие дела редко вершатся в одиночку. Плотно взяв деву под локоток, я увлек ее к ближнему подъезду, намереваясь улизнуть через черный ход. Но тот оказался заколочен, и пришлось взбегать по лестнице, тыркаясь во все двери.

Судя по всему, прежде в этом доме обитали «басурмане», вынужденные покинуть город после того злосчастного набега. Часть квартир разграбили, некоторые даже спалили, но большинство остались нетронутыми – здешний скарб мало кого мог соблазнить. Поднявшись на верхний этаж, я отжал хилый замок и вместе с девицей вступил в квартиру, сразу заперев за собой и придвинув к двери шифоньер. Затем прошел вглубь, направляя девушку перед собой и с любопытством озираясь.

Тут и впрямь оказалось бедно. Две небольших комнатки, угрюмый тесный коридор и совсем уж крохотная кухня. Главная роскошь – ковры. Узорчатые, цветистые, они устилали полы, завешивали стены. Вот на приличную мебель средств не хватило, а из аппаратуры я углядел только старенький телевизор, бережно прикрытый скатеркой, да совсем уж антиквариат – трехпрограммный матюгальник «МАЯК-202», с почетом водруженный на угловую тумбу и до сих пор подключенный к сети.

Не удержавшись, я утопил одну из его клавиш и с изумлением услышал музыку, хлынувшую из динамика. Вот не думал, что система еще фурычит! Убрав звучание до минимума, я отступил к стене и опустился на продавленную кровать, привалясь лопатками к коврику. Ноги вытянул до середины комнаты, якобы расслабясь и чуть ли не задремав, но из-под приспущенных век зорко следил за новой знакомой.

Тихонько она прошлепала к динамику, присела на корточки, зацепившись за край тумбы ладонями, и улеглась на них щекой, чтобы лучше слышать. Из-под натянувшегося свитера – о сюрприз! – выглянула худощавая попка во всей красе, с мягкими очертаниями ягодиц и четкой расщелинкой по центру, не оскверненной даже шнурком. Случайность, рассеянность? Или малышка настолько любит музыку, что забыла о приличии? Или ей, как Инессе, попросту плевать на условности?

Осознанно или нет, но девица провоцировала: все-таки на чужих дамочках такие пейзажи смотрятся иначе.

– Как звать? – спросил я и сразу добавил: – Я – Родион.

– Галла, – певучим шепотком ответила девушка, глянув на меня через плечо. Глазища у нее впрямь чудные, а имя корябнуло неясной ассоциацией.

В комплекте с голым задом такой взор можно счесть приглашением. А если это наивность, то граничащая с патологией. Кажется, наша Галочка из разряда вечных жертв: сколько ни оберегай, а влипнуть найдет во что.

Нехотя я перевел глаза на окно: багровеющее солнце уже опускалось за дома. Зависшая над входом в подъезд, «стрекоза» тревожного не транслировала. На улице по-прежнему пусто, даже очухавшийся похититель успел сбежать. И все-таки лучше переждать.

– А кто напросился в твои провожатые? – задал я новый вопрос. – Я не перестарался?

– Не хочу о нем, – Галла тряхнула золотистой гривой, будто приказывая себе забыть, и выпрямилась, машинально одернув свитер. – Хочу о тебе. Такой большой, сильный... Как ты его!

Счастливое качество: не помнить невзгод. От грядущих оно, конечно, не убережет, зато ослабит последствия.

Развернувшись ко мне, девушка сладко потянулась, на секунду показав маленький желтый треугольник, скрывающий сокровенное. Затем снова поправила подол и шагнула к кровати, почти упершись в мое бедро. Ее длинные ноги словно светились в сумраке, притягивая взгляд, увлекая его выше, выше... Тут Галла обернулась всем корпусом к динамику, будто прикидывая, не прибавить ли громкость, и край свитера опять задрался.

Эти мелькания: наружу-вовнутрь, – заводили меня все сильнее. Уж лучше бы девица разгуливала нагишом. Хотелось единым махом вздернуть дразнящий занавес до подбородка и притиснуть податливую плоть к стене. Или навалиться сверху, разбрасывая мешающие колени, дабы укорениться в благодатное лоно и внедрить туда вызревшее семя. Что это со мной? – вяло удивился я. С каких пор меня прельщают хоженные тропы?

– Я присяду? – застенчиво спросила Галла.

Собственно, сесть здесь больше некуда, разве на пол.

– Валяй, – разрешил я и сам же хмыкнул: хорошо сказано, к месту.

Она опустила чуть в стороне, но, поскольку я весил вдвое против нее, почти сразу сползла ко мне, прижавшись голым бедром. Проклятый свитер снова задрался, и я уж не знал, мерещится ли мне за гранью дымчатого ворса золотой пушок или в самом деле проступило преддверие.

– Я так устала! – призналась она, положив голову на мое плечо. – А тут мило, да?

Музыка вдруг заиграла громче – непонятно с чего. Багряный круг наконец скрылся за крышами, послав прощальный луч, в комнатке сгущалась уютная тьма. Не хватало лишь бутылки на придвинутом столике да сластей с фруктами. Так ведь мы ж не дома. В полевых условиях и кровать – роскошь. Следуя привычному сценарию, я обнял Галлу за плечи. Тотчас она извернулась и улеглась на меня едва не всем телом, доверчиво обхватив рукой. И что дальше? Настал момент истины.

Моя рука будто сама соскользнула по ее бедру на нежную талию, сдвигая перед собой покров. Кожа оказалась на удивление прохладной, будто малышка в самом деле зябла без

свитера. Но теперь он задрался Галле до пояса, и это не вызвало у нее возражений. А главные ее прелести оказались в пределах досягаемости – только руку протяни.

И все же что-то меня удерживало. Вовсе не дефицит желания – «вот уж этого навалом»! Меня уже трясло, будто разладилась терморегуляция, а к паху одна за одной подкатывали горячие волны. Господи, ну с чего? Ну да, девушка мила, но я встречал и красивей. Или меня так раззадорили эти мелькания? Или от Галлы пахнет по-особенному?

Наклонясь к ее выступившей из ворота шее, я втянул носом воздух. Действительно, что-то есть – этакий призывный аромат. Может, поэтому на нее западают мужики? А она, бедная, ни сном ни духом.

– Хочешь меня? – шепнул Галле на ушко. – Ну, как?

– Я спать хочу, – пробормотала она, не открывая глаз. – Так покойно...

От прихлынувшего жара у меня вспыхнули щеки. Вот так – харей об асфальт!.. А ты и разбежался?

Теперь я действительно созрел, чтобы срывать одежды и пронзать плоть, невзирая ни на какие плевые. С кровью – даже лучше. А на какую реакцию она рассчитывала, интересно?

Медленно я выдохнул воздух, собирая себя по частям. Это лишь запах, ничего более! Ну, и сопутствующие эффекты. Легкое наваждение – только и всего. Ничего особенного.

– Так укладывайся, – предложил я, борясь с желанием стянуть с нее свитер – просто, чтобы лучше спалось. – Тебе расстелить?

– Хочу с тобой. – Галла прижалась ко мне плотней. – Такой теплый...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.